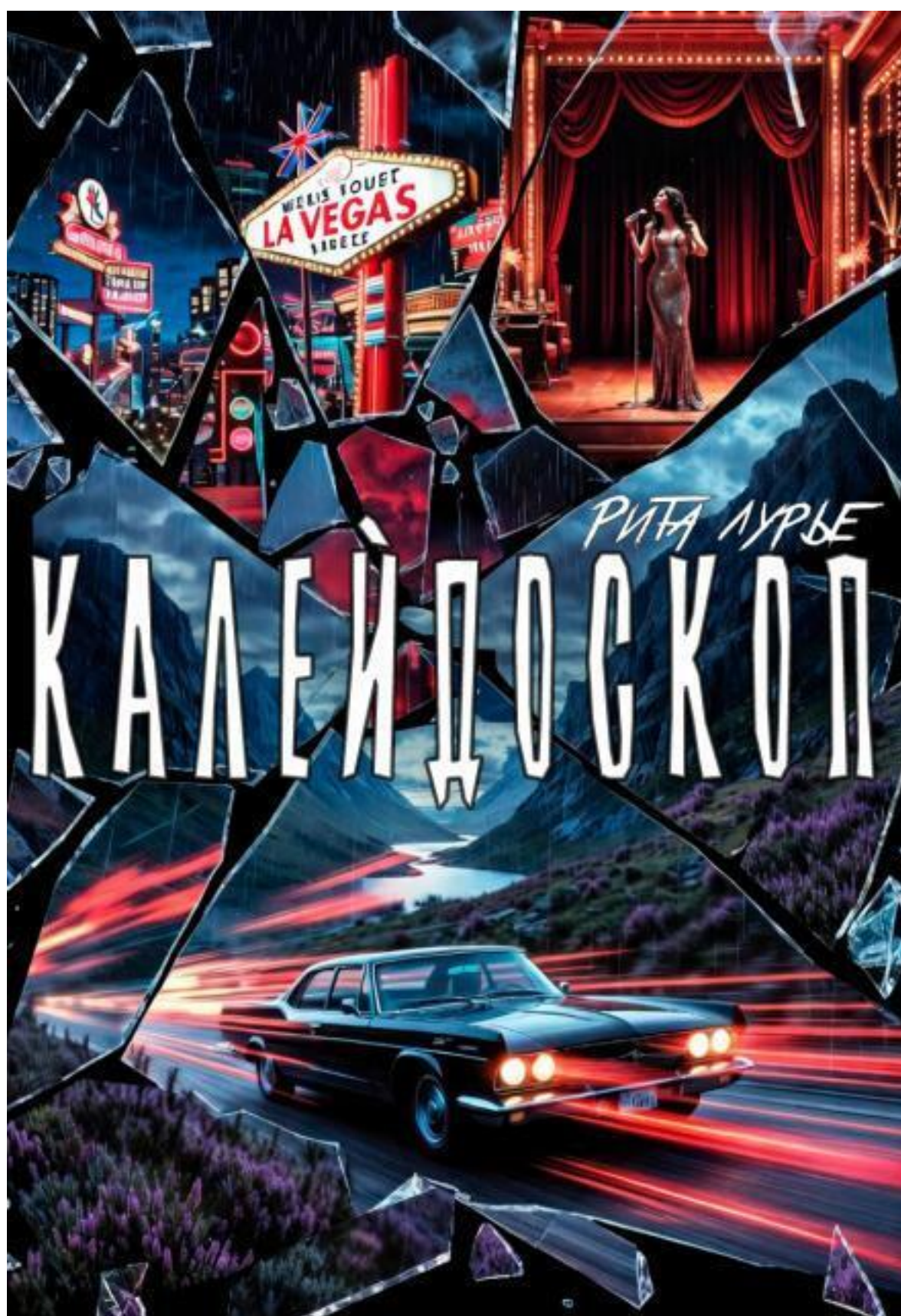

Рита Лурье

Калейдоскоп

«Литнет»

2024

Лурье Р.

Калейдоскоп / Р. Лурье — «Литнет», 2024

Норвежскую фермершу Силдж Уре похищает незнакомец. Но почему он выбрал именно её? И от кого он спасает Силдж, увозя её всё дальше и дальше от дома? Его зовут Франциск Нойманн, и он рассказывает Силдж историю своей любви к роковой красотке Астрид Райх. Однажды Франциск совершил ошибку, но сердце Астрид было слишком холодным, чтобы дать возлюбленному шанс. Силдж задаётся вопросом: смогла бы она на месте Астрид простить Франциска? Когда-то она была на её месте – до амнезии Силдж носила другое имя: Астрид Райх.

© Лурье Р., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог.	5
Глава первая.	9
Глава вторая.	14
Глава третья.	21
Глава четвертая.	27
Глава пятая.	39
Глава шестая.	46
Глава седьмая.	55
Глава восьмая.	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Пролог.

Зверь идет за тобой.

Зверь идет за тобой.

Зверь идет за тобой.

Силдж откинула тяжелое одеяло и рывком села на кровати, энергично стирая с лица капельки пота. Холод, царивший в комнате, с удовольствием облизнул разгоряченное липким кошмаром тело. За ночь все поленья в печке прогорели.

Звякнув заслонкой, Силдж закрыла ее обратно, остановившись на том, что сейчас все-таки лето и днем отапливать дом нет никакого смысла. Какое-никакое лето. Здесь, на севере, особенной разницы между временами года не было, но женщина, придерживавшаяся аскетизма в своем быту, не жаловалась. Она вышла на пробежку, чтобы проветрить голову.

Деревня была окутана мягкими сумерками – толи вечерними, толи предрассветными. Там, где солнце летом практически не спускалось за горизонт, эта тонкая грань стиралась. Зато с сентября можно было любоваться северным сиянием.

Зверь идет за тобой, - мысленно повторила она фразу, которая с такой настойчивостью пульсировала в ее голове. Ничего больше – никаких картинок или образов. Только эти слова, бессмысленные, вырванные из контекста. Настолько чуждые реальности женщины, что она сомневалась - есть ли смысл обсуждать это с кем-то из своего небольшого окружения. Что скажет старик Свен? А мистер Ларсон? А Милли из мотеля?

«Ты, старушка, слишком много смотришь фильмов. Нужно больше проводить времени на свежем воздухе».

Да куда же больше?

Вернувшись, Силдж быстро переоделась в рабочую одежду и отправилась к животным. На много часов женщине удалось избавиться от всех своих тревог – уход за скотом и птицами успокаивал ее нервы. На обед она заглянула в гостиницу, чтобы поболтать с Милли. Пожилая француженка возилась с какой-то документацией и Силдж взялась протереть столы в небольшом кафе, чтобы хоть немного занять себя до того момента, как приятельница освободится от своих дел. Когда хозяйка заведения вышла к ней со скромным, но аппетитным обедом, Силдж уже сидела на высоком барном стульчике, глядя в стену и наматывая на палец тонкий кончик седой косички.

Они частенько проводили обеденное время вместе, и Милли прекрасно знала о вкусах и предпочтениях своей гостьи. В конце трапезы француженка налила две стопки местной настойки, проигнорировав протесты Силдж.

- Может быть тебе нужна помощь? – предложила Силдж, - я уже закончила со всей работой на ферме, а мистер Ларсон повез Бэтти к ветеринару и вечер у меня свободен.

- О, у нас будет пополнение, - улыбнулась Милли. Поселок был настолько маленьким, что все жители не только были хорошо знакомы друг с другом, но и прекрасно осведомлены обо всех новостях. Здесь практически ничего не происходило, так что даже скорые роды одной из козочек мистера Ларсона были событием, достойным обсуждения.

- Так что?

- Нет, слушай. Я все подготовила к наплыву туристов, - отмахнулась Милли, - лучше посвяти время себе. У тебя какой-то нездоровый вид. Приболела?

Силдж невесело улыбнулась.

Конечно.

Она удивилась бы тому, что крошечная перемена в ней настолько заметна стороннему глазу, если бы не виделась с Милли каждый божий день, а женщина не обладала такой пора-

зительной природной проницательностью. Но рассказать ей о кошмаре Силдж все равно не решилась.

- Нет, все хорошо, - отмахнулась Силдж, попрощалась с подругой и ушла. У нее был собственный рецепт лекарства от любой печали, которым она планировала воспользоваться. Не было малейшей необходимости заставлять добрую француженку беспокоиться.

О чем тут вообще беспокоиться?

Силдж вытащила из сарая велосипед и закинула в корзинку все необходимое для своего маленького путешествия. Расстояние от поселка до любимого места она преодолела быстро, наслаждаясь скоростью и приятным летним ветерком. Чуть более теплым, чем обычно.

Разложив на траве колючий шерстяной плед, женщина расположилась на нем, любясь открывающимся с утеса видом: величественный фьорд впечатлял воображение. Где-то далеко внизу плескались непокорные, стальные волны, серебрящиеся в свете холодного северного солнца. Крошечная белая яхта медленно рассекала водяную гладь, демонстрируя восхищенным туристам красоту и строгость этого пейзажа.

Силдж никогда не видела фьорд с воды, только отсюда, с самой его поросшей вереском и чертополохом вершины. Она могла бы запланировать себе путешествие, но отчего-то совершенно не хотела покидать пределы родного поселка. Словно привязанная к этому месту стальными канатами или неким заклятием, она не решалась выбраться даже в районный центр, не смотря на все приглашения и уговоры мистера Ларсона или других приятелей.

«Ну, ты и затворница, Силдж Уре», - ворчал старый Свен, - «купила бы себе что-нибудь новое. Или, может, познакомилась с кем? Не совсем еще старуха, а все одна».

Силдж все устраивало.

Ее мир успешно сконцентрировался в одной крошечной точке бытия, которой был поселок со всей его несложной жизнью. А большего было и не нужно. О чем ей еще мечтать? Она довольствовалась малым. Уютным маленьким домом, работой на ферме, общением с немногочисленными жителями этого места, любованием окрестными пейзажами, на которые, кажется, ее окружение не обращало никакого внимания. Они все эти красоты воспринимали как данность. А она, хотя, вроде как, и прожила здесь всю свою жизнь, все равно не могла не замирать от восторга при виде причудливой архитектуры скалистой породы или сияющей ледяной воды.

Зверь идет за тобой.

Здесь, на вершине утеса эти слова казались совсем бессмысленными. Когда за километры вокруг нет ни одной живой души – ни человеческой, ни животной. Только фермерские хозяйства с их мирным домашним скотом и белоснежными овечками. Никаких загадочных зловещих лесов, населенных тенями и призраками.

Да и сама она мало походила на героиню страшных сказок, которая может стать жертвой мистического чудовища.

Она никто.

Скромная фермерша. Пожилая затворница.

Силдж провела еще несколько часов на фьорде, почитывая книгу, и собирая растущие здесь цветы, чтобы украсить ими свое скромное жилище, а после этого вернулась обратно. Прогулка прочистила ее разум и помогла окончательно избавиться от послевкусия бессмысленного ночного кошмара.

Перед ужином она посетила мистера Ларсона, чтобы справиться о том, как прошла поездка в город и родах козочки Бэтти. Мужчина пока отказался показать пополнение в семье, но с гордостью отчитался, что козлят двое – они здоровы и красавцы в свою мамочку. В приподнятом расположении духа Силдж вернулась домой.

Она поужинала, без особого интереса просмотрела передачи по старенькому телевизору, и уже собиралась спать, когда снаружи послышался звук подъезжающего автомобиля. Женщина не особенно заинтересовалась этим событием, тут же успокоив себя, что вероятнее всего,

туристы заблудились и ищут отель, а сверившись с навигатором, уберутся восвояси. Но двигатель умолк и наступила тишина.

Силдж поднялась с кровати, накинула поверх длинной ночной рубашки шерстяную шаль и отправилась на улицу, чтобы помочь потерявшимся иностранцам. Но в темной прихожей ее маленького домика, кто-то резко прижал ее к стене, зажимая рот прохладной ладонью, едва ощутимо пахнувшей табаком.

Воры? Здесь? Что вообще можно украсть в ее доме?

Зверь идет за тобой.

В тусклом свете из маленького окошка над дверью она видела только силуэт, судя по всему, мужской.

- Тс-с-с, - сказал незванный гость по-немецки, и Силдж даже не успела удивиться тому, что понимает его речь, хотя не славилась знанием иностранных языков, - только без глупостей.

Понимает или нет! Какая, в действительности, разница, когда в твой дом ворвался постронний человек с совершенно неясными намерениями?

Чужак, вероятно, сжалился над своей жертвой, потому что уже более мирным тоном спросил:

- Кричать не будешь?

Силдж интенсивно замотала головой, и ладонь мужчины переместилась с ее лица на плечо, крепко удерживая на месте.

- Кто вы? Что вам нужно? – залепетала женщина, - у меня особо ничего нет, но я могу принести свои сбережения, пожалуйста...

- Черт возьми, - эмоционально выплюнул незнакомец, и наконец-то соизволил чуть отодвинуться от своей несчастной жертвы, давая ей куда больше воздуха и личного пространства, - что ты там бормочешь? Я не понимаю норвежский.

Силдж сглотнула, судорожно собирая все свои познания в английском языке, который она, вроде как, учила в школе и более-менее могла использовать при общении с редко посещающими их глухомань иностранцами.

- Пожалуйста, не причиняйте мне вреда, - сбивчиво проговорила она, заплетающимся от волнения языком, - я могу дать вам денег. У меня немного есть. Немного денег. Евро...

- Мне не нужны твои деньги, - перебил ее незванный гость, вслед за ней с легкостью перескочив на английский, - собирай вещи. Нам нужно уехать отсюда, - с этими словами он подтолкнул перепуганную фермершу внутрь дома, в комнату, служившую одновременно спальней и гостиной.

- Что? – обронила Силдж, - куда... почему.

- Потом. У нас нет времени.

Незванный гость, который, судя по всему, совершенно не планировал грабить бедную женщину, с видом полнейшего хозяина ситуации привалился к дверному косяку и сложил на груди руки. Его пугающий темный силуэт казался совершенно чужеродным среди скромного уюта обители пожилой затворницы. Силдж застыла, растерянно окидывая взглядом комнату.

Собирать вещи? Зачем?

- *Астрид*, не тормози, - взмолился мужчина, - мы все обсудим по пути.

Зверь идет за тобой.

С трудом преодолевая овладевший ею ступор, женщина принялась метаться по комнате, судорожно соображая, что может ей понадобится или каким образом все-таки позвать на помощь. Дом старика Свена не так далеко, он может услышать, если еще не спит, хотя и ложиться довольно рано... У него вроде как есть ружье...

- Ты отвратительно выглядишь, кстати, - тем временем отметил незнакомец, - давно ты ела?

- Вечером... - на автомате ответила Силдж. Незванный гость криво улыбнулся и тряхнул головой, с каким-то странным выражением на лице. Он в несколько шагов преодолел комнату и цепко ухватил женщину за запястье.

Силдж почувствовала, как от этого прикосновения по телу разливается теплая волна спокойствия и необъяснимого счастья. Перепуганное сердце уgomонилось и забилось размеренно и плавно, а кончики пальцев начало непривычно покалывать. Похититель отстранился с видом явного торжества.

- Так лучше, - торжественно сказал он, - теперь мне не кажется, что я похищаю собственную бабулю. Ну что ты встала? Собирайся. Живо! – последние слова он рывкнул так агрессивно, что бедная женщина затряслась мелкой дрожью и вынуждена была повиноваться.

Силдж была в таком глубоком шоке, что совершенно не помнила, каким образом ей удалось собрать хоть какие-то вещи вроде паспорта, денег, бутылочки с водой и сменного комплекта одежды. Она в жутком хаосе покидала все в небольшой рюкзак с которым обычно ходила за продуктами. Заминку вызвала только необходимость переодеть ночную рубашку в присутствии незнакомца.

- Чего я там не видел, - прокомментировал тот, но заметив искреннее смущение женщины сжалился и отвернулся.

Она долго возилась с дверным замком, чем снова вывела из себя мужчину. Он пробурчал что-то о том, что в этот дом она уже не вернется, и никому не нужно «ее дешевое барахло», и волоком оттащил свою спутницу к автомобилю.

Сесть рядом с водителем женщина не решилась и забралась на заднее сидение. Похититель предвосхитил ее наивный план выпрыгнуть из машины на ходу, заблокировав двери. Теперь Силдж оставалось только провожать взглядом огоньки родного поселка и украдкой пытаться разглядеть черты незнакомца в зеркале заднего вида без особого успеха. С ее места обзор открывался лишь на затылок похитителя, его правое плечо в кожаной куртке и крупную ладонь, покоящуюся на ручке коробки передач.

- Нам предстоит долгая дорога, - предупредил мужчина, - так что у тебя будет время вынуть голову из задницы.

Он включил музыку и салон автомобиля наполнили колючие гитарные рифы.

Глава первая.

Астрид двенадцать лет. Они с Томашем, напроочь проигнорировав все запреты взрослых, снова пробрались в кабинет пана Маевского, чтобы увлекательно провести там время. Впрочем, отец Томаша слишком мягкий и добрый человек, чтобы всерьез рассердиться на детей за это вторжение. Он скорее с удовольствием раскинется в старом кресле в углу и предастся воспоминаниям об экспедициях, в которых ему довелось побывать в молодости, отыскивая в лице своих маленьких гостей самых благодарных слушателей. А вот Йоханна оттаскает заговорщиков за уши и будет крайне собой довольна. Страшный человек Йоханна. Всего на пару лет старше, а столько сомнений, будто она уже самая взрослая и главная в семье. Но как иначе, когда после училища до дома ее провожает эскорт из важных безусых студентиков.

Больше всех любопытных безделушек, сохраненных на долгую память паном Маевским Астрид привлекает красивый, подаренный коллегами ему на юбилей глобус. Даже не астролябия. Кого удивилишь ей в Кракове? Астрид вдоволь насмотрелась на нее, когда ей с одноклассниками не раз приходилось бывать возле памятника Копернику на школьных экскурсиях. И не секстант. И не телескоп. Не старинные карты средневековой Европы. Именно этот глобус, вызывавший искреннюю, детскую радость.

Пробравшись в кабинет пана Маевского, они с Томашем всегда играли в любимую игру – по очереди поворачивая шар и загадывая место.

- Я буду жить в... - торжественно провозгласила Астрид, как только очередь дошла до нее и с недоумением огласила свой вердикт, - в королевстве Норвегия!

Девочка нахмурилась, разглядывая точку на боку глобуса, куда упирался ее маленький пальчик.

- Ну вот, - обиженно протянула она, - не хочу туда, там холодно и пусто. И все пропахло рыбой.

- Не спеши отказываться, - важно возразил Томаш, - папа был там и рассказывал, что там очень красиво. Они плавали на корабле по фьордам.

- Фьордам, - поправила Астрид. Здесь у нее было явное преимущество перед другом – первые годы жизни она провела в Дрездене и имела благодаря этому куда более жесткое произношение гласных, чем мальчик, всю жизнь разговаривавший только на польском. Хотя язык дался ей довольно легко, но в младших классах ее дразнили за трудности, которые возникали у нее с обилием шипящих и мягких звуков.

Томашу досталась далекая Аргентина и друзья как раз предавались фантазиям о том, чем бы там мог заниматься мальчишка, когда вырастет и отправится в это путешествие, когда в кабинет заглянул пан Маевский собственной персоной. Предсказуемо, хозяин дома не рассердился на маленьких проказников. Долгие годы работы школьным учителем сделали его лояльным к разным шалостям воспитанников, да и мужчина слишком увлечен был наукой, которой посвятил всю свою жизнь, чтобы лишний раз не поболтать о ней с теми, кто был не против послушать его истории.

- Астрид, - с мягкой улыбкой протянул он, - пора домой. Зашел твой папа.

Аргумент был железным для девочки, и она поспешно поднялась с колен и принялась отряхивать длинную шерстяную юбку от мелких пылинок. Даже перспектива провести еще хоть жалкие крупицы времени с лучшим другом или послушать байки пана Маевского меркла перед обожанием девочки собственного отца. Очень занятого отца. А раз пан Райх освобовился сегодня настолько рано, что даже нашел время лично зайти за дочерью, то ее ждет прекрасный вечер в его обществе.

Отец уже выглядывал из-за плеча старого приятеля, задумчиво почесывая аккуратную аристократичную бородку и терпеливо дожидаясь свое чадо. Астрид с готовностью бросилась обнимать сухопарое, высокое тело отца.

- Частенько нахожусь их здесь, - не без гордости поделился пан Маевский, - должно быть, вырастут великими путешественниками.

- Нет, - с готовностью возразила Астрид, застеснявшись своего порыва и отстраняясь от отца на социально допустимое расстояние, - я буду спасать людей, как папа.

Это она решила очень давно и не сомневалась в этом ни минуты. Пока другие ее ровесники мечтали быть экономистами, звездами синемаатографа или спортсменами, она не видела другого пути. Даже когда отец старел быстрее своих сверстников, возвращался домой поздно с глубокой морщиной между бровей, долго отмывал от крови инструменты в своем чемоданчике. Он был ее персональным героем. И Астрид хотела быть такой же. Чтобы никто больше не умер, как ее мама.

Силдж проснулась, но не торопилась открывать глаза, прячась в темноте век и надеясь, что все недавние события окажутся не более, чем необычным сном.

Допустим, она задремала на диване перед телевизором под звуки какого-то боевика или запутанного детектива. А странный незнакомец и похищение были навеяны сюжетом, который ее мозг впитывал и трактовал по-своему за время отдыха.

Однако, вместо подушки под щекой было влажное от дыхания стекло, а мерное гудение мотора автомобиля навязчиво пробиравлось в ее жалкое укрытие внутри своей головы. Женщина с сожалением промочила пересохшее горло слюной и открыла глаза.

После сна в неудобной позе все тело ломило.

В салоне автомобиля было темно. Свет фар вырывал узкую полосу дороги, маячившую впереди. Мимо окон проносились бесконечные вересковые пустоши, разбавленные только редкими, тусклыми огоньками поселений.

Силдж поежилась и хотела незаметно поразглядывать своего похитителя, болезненно щуря глаза после сна, но он перехватил ее взгляд в зеркале заднего вида.

- А, проснулась, - довольно миролюбиво поприветствовал ее мужчина, - что-то прояснилось?

Силдж помотала головой.

- Вы меня с кем-то перепутали, - хрипло начала женщина, - я не понимаю, зачем я вам понадобилась. У меня нет денег. За меня не заплатят выкуп... Я... бесполезна.

- Какой же бардак у тебя в голове, - посетовал ее похититель, и внезапно вырулил на обочину. Он не стал глушить двигатель, что говорило о том, что их остановка не продлится долго, но заблокированные двери заставили Силдж сразу отвести мысли о попытке бегства.

Мужчина обернулся к ней, насколько позволял ремень безопасности. В этом полумраке он выглядел жутко, а красные лампочки и подсветка на приборной панели отбрасывали на его лицо инфернальные блики.

- Соберись, пожалуйста, - почти взмолился он, цепко ухватив женщину за плечо, - тебе придется все вспомнить. Иначе мы не выживем.

- Я...

- Ладно, - он нехотя отпустил женщину, отвернулся и запустил пальцы в свои довольно длинные волосы, - ладно, - зачем-то повторил он более эмоционально и обессилено ударил кулаком по рулю, - черт. Черт. Черт! Не знаю что делать.

Силдж испытала неловкость, потому что мужчина выглядел по-настоящему расстроенным. Она быстро выдвинула предположение о том, что имеет дело с сумасшедшим, который искреннее верит в некие несуществующие истины. Он же не виноват в том, что путает реальность и вымысел, верно?

Но ей определенно стоит выяснить, что это за истины, если она хочет выжить. И сбежать от него.

- Знатно же ты ударилась головой, - вздохнул ее похититель, щелкнул зажигалкой, и салон наполнил характерный запах сигарет.

- Ударилась головой? – аккуратно переспросила Силдж, гадая тактично ли будет в этой ситуации попросить его не курить в машине или хотя бы открыть окно, но незнакомец опередил ее мысли, опустив стекло рядом с собой. В салон тут же пробрались звуки ночи и ароматы полевых трав. Такой приятный, уютный запах. Если снова закрыть глаза, то можно попытаться представить, что ничего этого нет, а она как прежде сидит на берегу утеса, любуясь суровым нордическим пейзажем.

- Да, - подтвердил мужчина, словно нехотя, - некоторое время назад ты попала в аварию и получила серьезную черепно-мозговую травму. Но врачи говорили, что амнезия будет временной.

- О, даже так, - недоверчиво откликнулась Силдж, стараясь свести к минимуму скепсис, так и норовивший проступить в ее голосе, - и когда это было?

- Пятнадцать лет назад.

«Не вздумай сомневаться в своей реальности», - взмолилась женщина, обращаясь к самой себе. Но безумие было слишком заразным и, вероятно, передавалось дыхательно-капельным путем.

Совпадение ли, но...

Она помнила только последние пятнадцать лет своей жизни, которые провела в маленькой, фермерской деревушке Хейбу и почему-то никогда не задумывалась о том, что было до того. В этом не было смысла. Ей было достаточно того, что она знала о себе.

Силдж *не хотела* знать о себе больше.

И этот чертов загадочный незнакомец не имел никакого права врываться в ее уютный мирок и подвергать сомнению неопровержимые истины, с которыми она жила годами.

Хотя женщина и понимала опасность подобных игр с разумом, ее все же охватило любопытство, оказавшееся куда сильнее здравого смысла. Что, в конце концов, она потеряет, от того, что немного подыграет этому сумасшедшему?

- И... кто же я была до амнезии? – отругав себя за крайнюю косноязычность и неловко построенную фразу, спросила Силдж.

- Твое настоящее имя Астрид Райх. Ты родилась в Дрездене в тысяча девятьсот двадцатом году...

- Достаточно, - не выдержала фермерша, поддавшись приступу неконтролируемого, нервного веселья, - хотите сказать, что мне в этом году исполнилось сто два года? И в чем же секрет такого долголетия? Или... нет... подождите! – она захлопала в ладоши, - должно быть, я какое-то сверхъестественное создание? С этим как-то связаны неземные цивилизации?

И все же она повторила про себя это имя. Чужое имя.

Астрид. Аст-рид.

И ничего внутри не отозвалось.

Мужчина посмотрел на Силдж через зеркало заднего вида с таким выражением, будто это она тут была сумасшедшей. Он сжал челюсти так сильно, что у него побелели губы, а на щеках заходили желваки.

Жертва похищения тут же пожалела о своем выпад. Все-таки не стоит злить того, кто каким-то образом имеет власть над твоей жизнью. Ему ничего не мешает перерезать ей глотку и бросить здесь на обочине дороги, растворившись в темноте вместе со своим автомобилем и безумными историями.

- Выговорилась? Молодец, - мрачно похвалил Силдж мужчина, а потом импульсивно саданул ладонью по рулю так сильно, что сработал гудок, - ты действительно нихера не вспом-

нила? Или делаешь вид? Тебе всегда нравилось выводить меня из себя. Сейчас самое неподходящее время, ласточка. Нам придется оставить свои разногласия в прошлом...

Силдж испуганно вжалась в сидение и теперь сидела тихая и пристыженная.

- Отпустите меня, пожалуйста, - взмолилась она осипшим голосом, - я никому не расскажу. Прошу вас...

Приступ отчаяния придал ей сил, а шестеренки в мозгу бешено закрутились, пытаюсь сгенерировать хоть какой-то вразумительный план действий. К несчастью, Силдж совершенно не имела никаких представлений о том, как вести себя в подобных ситуациях. Она, конечно, смотрела фильмы, но толку от этого было мало. У выживших героинь триллеров всегда было что-то, делавшее их удивительно жизнеспособными. Силдж такой не была. Она была тихой, мирной и спокойной. Она никогда ни с кем не дралась. Да что там! Даже голос предпочитала не повышать.

Мужчина тем временем завозился, ненадолго включил свет в салоне и вытащил из бумажника сложенную фотографию, которую тут же протянул своей пленнице. Силдж неуверенно взяла предмет из рук незнакомца и развернула, поднося к лицу, чтобы на изображение падало хоть немного света тусклой лампочки.

Вроде как на нее смотрела девушка, очень похожая на нее саму. Только волосы были короткими, темными и крупными блестящими волнами обрамляли лицо, как в старых фильмах. Одежда на девушке тоже подошла бы для посещения винтажной вечеринки, как и неброская маленькая шляпка с вуалью. Фотография была изрядно выцветшей и стертой по углам. Силдж может и вдохновилась бы тем, что у незнакомца есть образ ее или кого-то на нее похожего, если бы не была так агрессивно настроена ко всем витиеватым рассказам мужчины.

- Это фотошоп, - безапелляционно заявила она.

Похититель надулся и потянулся к ней, чтобы отобрать фотографию, но женщина увернулась. Она не знала, зачем упорствует, но вроде увидела в этом небольшую возможность освободиться. Потому что, быть может, она не была тонким психологом и знатоком человеческих душ, но способна была сделать выводы о вспыльчивости этого психопата. Силдж даже не удивилась, когда он отстегнул ремень безопасности и полез отбирать у нее фотографию, чем она незамедлительно воспользовалась, юрко выскользнув из-под его руки и щелкнув кнопкой блокировки дверей.

Увы, дальнейшую часть плана женщина придумать не потрудилась. Теперь ей только и оставалось, что бежать по влажной траве в зыбких сумерках северной светлой ночи. Правда и здесь норвежская природа сыграла с неудачливой беглянкой злую шутку – полоса луга быстро сменилась горной породой на краю очередного утеса. Впереди был обрыв, и Силдж резко затормозила за пару шагов до него, запыхавшись и чуть не потеряв равновесие.

Волны хищно облизывали каменистый берег далеко внизу. Даже если ей удастся выжить, не переломав все кости после прыжка, то, вероятнее всего, ледяная вода доделает свое черное дело.

- И что ты, черт возьми, собираешься делать? – похититель догнал свою жертву в несколько широких шагов, двигаясь быстро и бесшумно, как крупный хищник и застыл, ожидая ее дальнейших пируэтов.

- Я прыгну! – особенно не раздумывая, заявила Силдж, краем глаза косясь на обрыв у себя за спиной. От высоты начинала кружиться голова. Ветер тут же растрепал ее многострадальную косу.

- Не дури, - обманчиво-мягким голосом попросил мужчину, миролюбиво протягивая раскрытую ладонь к неудачливой беглянке и медленно, осторожными шагами приближаясь к ней, - пожалуйста. Мы теряем драгоценное время.

- Зачем я вам!? Что вы собираетесь делать?!

- Ничего, scheiße! Увезти тебя подальше отсюда. Потому что они уже знают, что ты в Норвегии. Еще не знают, что ты потеряла память и беспомощна, но...

- Кто они? – перебила женщина.

- Наши общие враги.

- Почему вы... помогаете мне? – это слово далось Силдж с большим трудом, потому что ничего из произошедшего за последние несколько часов и близко не напоминало помощь в ее понимании.

- Я... не могу поступить иначе, - после некоторой паузы, когда, вероятнее всего, он подбирал подходящую формулировку, сказал похититель.

Силдж возмущенно фыркнула и тряхнула головой, убирая с лица растрепанные ветром волосы.

- Просто доверься мне, - попросил он.

Женщина вроде бы была готова растрогаться искренними нотками в его голосе и умерить пыл своего гнева. Она уже успела напомнить себе, что человек перед ней болен душой и заслуживает снисхождения, а при подобном раскладе ей и вовсе стоит вести себя более сговорчиво, если она хочет остаться в живых. Но негодяй оказался не только безумен, но и крайне коварен.

Мужчина воспользовался ее минутным замешательством и преодолел разделяющее их расстояние. Силдж рычала и вырывалась, но все равно оказалась переброшенной через плечо незнакомца. Похититель грубовато затолкал беглянку обратно на заднее сидение одиноко припаркованного на обочине дороги автомобиля, быстро занял место водителя и снова заблокировал двери.

Великолепно!

Силдж подобрала с сидения сиротливо валявшуюся там фотографию, оброненную в пылу их недолгой борьбы, и быстро сунула в карман шерстяной кофты. Едва ли ей была польза от обретения этого глупого военного трофея, но мысль, что она завладела чем-то ценным для этого психа хоть немного грела душу. Но не тело, к несчастью. Только оказавшись в теплом салоне, Силдж вдруг осознала, как сильно успела замерзнуть на утесе, и теперь зябко обнимала себя руками, пытаясь согреться.

Похититель сжалился, подобрал с соседнего сидения серый флисовый плед и швырнул женщине, но вместо благодарности она лишь обиженно поджала губы.

- Теперь будем играть в молчанку? – с легкой улыбкой, совершенно не подходящей ситуации, осведомился мужчина. Его, вероятнее всего, чрезвычайно забавляло угнетенное состояние его жертвы.

Некоторое время они провели в тишине, полностью игнорируя существование друг друга. Пока Силдж не пришла к мысли, что молчание в обществе непредсказуемого психопата с каждой минутой становится все более зловещим. И уж точно не приносит ей и капли морального удовлетворения.

- И как я попала в аварию? – ей пришлось повторить вопрос дважды, потому что похититель слишком глубоко погрузился в свои мысли. Он вздрогнул от звука голоса своей спутницы.

- Ты убегала, - сказал он и с явной неохотой добавил, - от меня.

Глава вторая.

- Ваше самое яркое воспоминание об отце?
- Он потерял меня на ярмарке. И мы больше *никогда* не встречались.
- Хм.

Франц наконец-то соизволил оторваться от увлекательного созерцания кутикул на своей левой руке и посмотрел на доктора Якоби. Его собеседник выдерживал паузу, позволяя ему объясниться, слегка нервно постукивая кончиком ручки по своему блокноту. Идеально отлаженная схема, которую им удалось выстроить за последние несколько сеансов, грозила разрушиться из-за одного, случайно вырвавшегося откровения.

- Вы говорили прежде, что отец... - доктор Якоби облизнул пересохшие губы, тщательно подбирая слова, - был жестоким человеком и... повлиял во многом на ваше мировоззрение...

- Да, верно. Но речь о том человеке, который воспитывал меня, - торопливо принялся объяснять Франц, - а не о биологическом отце. С ним мы действительно никогда не виделись после того случая. А Герберт...

- Ваш опекун? – осторожно уточнил Якоби, нахмутив белесые брови.

- Да, - подтвердил Франц, - он не был жестоким. Но у него, как вы, выражаетесь, были сильные проблемы с эмпатией. Он по-своему желал мне добра, или...

Или просто воспользовался случаем для собственной выгоды?

Он хотел тряхнуть головой, прогоняя эту неудобную мысль, но заставил себя оставаться неподвижным под прицелом внимательного взгляда терапевта. Мозгоправ с легкостью считает любую малейшую перемену в его поведении и запишет в блокнот. Эти мелочи для него куда красноречивее слов и случайных откровений.

Герберт все-таки пытался полюбить своего воспитанника, если вообще возможно испытывать симпатию к дикому зверю, которого держишь в клетке для того, чтобы изучать его повадки.

- Вы можете припомнить моменты эмоциональной близости с ним? – привлек к себе внимание Франца мягкий голос доктора Якоби.

- Нет, вряд ли, - слишком резко возразил он, но тут же поспешил смягчить впечатление от своего выпада холодным смешком, - не думаю, что я в этом нуждался.

- Все люди в этом нуждаются, мистер Браун, - с легкой улыбкой поддел его собеседник, - особенно в детстве.

- Я был слишком зол на своих биологических, - он споткнулся об это слово, - родителей, за то, что они бросили меня, чтобы мое детство было похожим на *нормальное*.

И у него совсем не было времени на то, чтобы вдоволь насладиться вскрытием старых ран и гнойников собственных обид. Началась Первая Мировая война и он сорвался на фронт, вопреки всем протестам Герберта.

Это не стоит слышать маститому нью-йоркскому психиатру восемьдесят лет спустя. Это никому не стоит слышать, если, конечно, Франц не планирует все-таки оказаться в сумасшедшем доме с диагнозом куда более тяжелым, чем тот, который привел его в этот кабинет.

Моника, определенно, будет опечалена, ведь она сама подтолкнула супруга к этому, намекнув, что ему стоит завести терапевта, чтобы облегчить затянувшуюся депрессию. Она, скорее всего, понадеялась, что дело ограничится рецептом на пресловутый «Прозак», а не попытками доктора Якоби все-таки вытянуть из пациента первопричину его состояния. В результате они ходили кругами. Сеанс за сеансом.

Потому что Францу нечего было рассказать психиатру такого, что не звучало бы словно большая фантазия. Он процеживал каждый факт через сито логики, и в сухом остатке прихо-

дилось довольствоваться бесконечными беседами о неоднозначной личности его эксцентричного опекуна.

- Фрэнк? – он снова вздрогнул от этого имени, потому что никак не мог привыкнуть на него откликаться, хотя прошло уже достаточно времени и стоило бы достичь в этом каких-то успехов. И если Монику его странности забавляли, то доктор Якоби относился к подобному с недоверием. Теперь в его взгляде была тревога, а свой ненаглядный блокнот он отложил в сторону.

Франц без труда мог догадаться, что сейчас в витиеватом мозгу психиатра выстраивается логическая цепочка между разговорами об отце, обоих отцах, и его помутневшим взглядом.

- Ваш опекун совершал в отношении вас недопустимые действия сексуального характера? – по-своему трактовал затянувшуюся паузу доктор Якоби. Он, скорее всего, уже давно вынашивал это предположение в своем мерзком умишке и все искал подходящий момент, чтобы озвучить грязные доводы вслух.

- Нет, - Франц подавил глухой смешок и одновременно желание съездить психиатру по челюсти кулаком за подобные пируэты, - Герберт никогда не позволял себе ничего подобного. Как и физического насилия. Он был... не таким плохим отцом. Он дал мне все, что у него было.

- Но не эмоциональную близость? – поддел его собеседник.

Франц хмыкнул.

Чем богаты.

По крайней мере, Герберту удалось научить своего воспитанника контролировать собственные эмоции и не убивать тех, чье поведение начинало раздражать. Человек перед ним даже не догадывался, что невольно оскорбил подобными инсинуациями того, кому должен быть благодарен за спасение своей жалкой жизни.

Сколько шагов их разделяют с психиатром? Мужчина в скрипучем кожаном кресле даже понять ничего не успеет, прежде чем Франц цепко сомкнет пальцы на его предплечье и сделает то, чего ему так нестерпимо захотелось в эту минуту.

Нельзя.

Франц очертил в голове границы клетки, в которой удерживал зверя внутри себя, надежно запирая темную сторону своей сущности на сотню замков. Сегодня этому хищнику придется довольствоваться презрительно брошенным ему через прутья куском мяса, хотя за подобные выпады и попытки захватить контроль, его стоило бы оставить голодным.

Сеанс закончился на этой неловкой ноте.

Мужчины поднялись друг другу навстречу, чтобы обменяться рукопожатием. Доктор Якоби заискивающе улыбался, явно испытывая чувство вины за свое предположение и попытку насильно вытащить на поверхность то, о чем его пациент не планировал говорить.

А еще доктор почувствовал легкую слабость и головокружение, но ничего не понял. Потому что Франц не позволил себе вытянуть из него слишком много, лишь черпнул слегка, на поверхности; с искренним, мстительным удовольствием ощущая, как настроение улучшается, а в мышцах возникает привычная легкость. В ближайшие пару часов у психиатра будет болеть голова, но он спишет это на переменчивую погоду. Чертов ветер опять принес с океана штормовые облака, полные свинцового дождя и снега. Вероятно, к вечеру доктор отпросится домой, отлежится в постели и завтра будет как новенький.

Живой.

Герберт Нойманн считал проявления эмоций непозволительной роскошью. Глубокие порывы его души оставались загадкой за семью печатями, однако, Франц не сомневался в том, что даже их пожилой ученый старательно подвергает испытаниям логикой, рационализирует и препарировывает, словно лягушку на лабораторном столе.

При общении с этим всегда мертвецки спокойным человеком создавалось впечатление, что перед тобой мраморная статуя, которая умеет разговаривать и двигаться, хотя каменные лица многих музейных экспонатов и то были куда более красноречивыми, чем маска вечного спокойствия старого немца. Только спустя сорок, а то пятьдесят лет, Франц смог отыскать объяснение этому явлению, познакомившись с трудами разных маститых психиатров, выделивших особый тип людей, в принципе не способных на простые человеческие чувства. Лет через шестьдесят Герберта сочли бы социопатом. Но в Берлине сороковых доктор Нойманн удостаивался куда более безобидной характеристики эксцентричного ученого.

Поэтому, получив весточку от опекуна после затянувшегося молчания, Франц не строил малейших иллюзий на счет сентиментальных чувств последнего. Герберт не стал бы призывать его к себе просто потому, что соскучился по человеку в той или иной степени ставшему для него сыном. Хотя и использовал именно эту формулировку термин в некоторые редкие моменты, когда хотел выразить свою симпатию и расположение.

Ровный голос Герберта в телефоне сообщил адрес и безапелляционно заявил, что ожидает своего воспитанника без опозданий. И Франц совсем не удивился, когда двое полицейских у парадного входа красивого здания в районе Митте пропустили его без лишних вопросов и даже снабдили инструкциями о том куда ему направляться дальше.

Не было приветствия. Не было вопросов о том, как он провел последние пару лет с того момента, когда видел доктора Нойманна в последний раз. Не было объятий. Все, чего удостоился мужчина, вошедший в хорошо обставленную квартиру с большими окнами – сдержанного кивка головы и приглашения присоединиться.

Герберт Нойман сидел на корточках возле мертвого человека на лакированном паркете и увлеченно делал пометки в толстом, обтянутом черной кожей блокноте.

Франц бегло осмотрел бездыханное тело, присаживаясь рядом, и принял протянутые наставником рабочие перчатки. Полы черного пальто растеклись вокруг него по полу, выдержав у доктора едкую, мимолетную насмешку, куда более красноречивую, чем могло бы быть любое сокращение мышц его морщинистого лица. Он ждал видеть на названном сыне военную форму, а не простую гражданскую одежду. Но черт его разберет – обрадовало ли его это наблюдение, расстроило или все-таки оставило равнодушным.

- С каких пор смерть по естественным причинам входит в круг ваших интересов? – нарушил затянувшееся молчание молодой мужчина.

Герберт проигнорировал его реплику, снял с носа маленькие круглые очки и убрал в специальный чехол, который носил в нагрудном кармане пиджака.

- И... с каких пор полиция привлекает вас к подобным пустяковым делам, - продолжал Франц. Он бы добавил еще, что любопытствует по поводу того, почему же наставник счел данный инцидент достойным и его внимания, но вовремя остановил себя. И хорошо, что остановил. И не ляпнул еще что-нибудь банальное вроде того, что перед ними – обычный инфаркт миокарда.

Зверь медленно принюхивался.

Он аккуратно подцепил пальцами белоснежную прядь, контрастно выбивающуюся из темной массы густых волос жертвы. Другой человек, вероятнее всего, не придавал бы значения такой незначительной детали, но для мужчины она была куда более, чем информативной. Потому что ему уже доводилось видеть людей, помеченных таким образом. Вернее, *оставлять* людей, которых он сам же и отметил таким образом, опустошив до дна, до состояния гулкой, пустой оболочки.

В голубых глазах Герберта плясали смешинки. Он еще немного помучил своего воспитанника, забавляясь со своими неозвученными загадками, как какой-нибудь мистический Сфинкс, но в конце-концов решился заговорить:

- В первую очередь я предположил, что это последствия твоей переоценки приоритетов, - ученый слегка повел подбородком, обращая внимание собеседника на погоны на плече покойника, - но некоторые обстоятельства вынудили меня отвести эту версию и прийти к выводу, что, в действительности, *нам с тобой* наконец-то улыбнулась удача.

Шутка? Он что, только что пошутил? Пусть и в свойственной ему своеобразной манере. Франц такого поворота все равно не оценил, упоминания о прошлом и ошибках, оставленных в нем, заставили его нахмуриться.

- Удача, - повторил он задумчиво.

- Это уже шестой такой случай и полиция наконец-то начала проявлять к ним интерес, но с их узколобостью мы имеем достаточно времени в запасе, чтобы добраться до цели первыми, - продолжал Герберт, одним махом сбросив со своего лица все тени прежней веселости, - стоит ли мне озвучивать насколько эта задача сейчас важна и первостепенна для нас обоих?

Франц подавил язвительный смывок и усилием воли заставил себя остаться невозмутимым. В такие моменты ему приходилось напоминать себе о том, что пожилой ученый вовсе не ставит перед собой цели задеть его чувства: он просто не осознает, что его слова могут нанести моральный ущерб собеседнику. Даже напоминание о позорных ошибках прошлого в его устах не несло назидательного смысла, а было лишь констатацией факта, потому что играло в деле важную роль.

- Все они были офицерами на службе у Рейха, - подтвердил предположения мужчины доктор Нойманн, - здесь прослеживается определенная логика. И мне удалось узнать, что аналогичные случаи происходили также в Кельне, Мюнхене и Дрездене. Однако, на данный момент *я не могу* позволить себе длительные путешествия для анализа и сбора информации...

Франц поддался минутному порыву и легко коснулся худощавого предплечья ученого кончиками пальцев, но Герберт отстранился от его руки и покачал головой.

- Не сейчас, - сказал он, - в последнее время приступы редко беспокоят меня. В ином случае я давно бы настоял на твоём присутствии рядом.

В этот момент они оба вспоминали обстоятельства, благодаря которым подобный ритуал стал практически регулярным в их взаимодействии. Момент, когда доктор Нойманн обнаружил, что чудовище рядом с ним может приносить пользу. Если чудовище - напуганный мальчишка, на глазах которого единственный хоть сколько-то близкий человек корчится в судорогах.

Зверь оставался зверем, а чудесами, вроде как, заведовали несколько другие инстанции, существование которых для обоих мужчин было фактом весьма спорным. Но каким-то немислимым образом прикосновение Франца способно было подарить не только смерть, но и избавление от боли.

- Новый... индивид подарит нам шанс немного продвинуться в своих исканиях, - слегка хрипло сказал доктор Нойманн, спеша перевести тему. Вероятно, в устах другого человека подобная формулировка могла бы прозвучать как настоящее оскорбление, но он лишь обращался к куда более понятной и близкой ему научной терминологии.

Он прекрасно понимал, что его мотивация выглядит крайне эгоистичной, но не видел смысла в том, чтобы сглаживать острые углы. В конце-концов, каждый из них в этом внезапно нарисовавшемся дельце имел свою реальную выгоду. И если интерес Герберта колебался между научными открытиями и возможностью хоть немного продлить свою жизнь, то Франц, можно сказать, мог вытянуть по-настоящему счастливый билет. Получить ответы на тысячи вопросов, которые волочились за ним на протяжении всей его жизни.

Существуют ли другие?

Сколько лет могут прожить такие, как он? Могут ли они иметь детей? А способны ли лечить неизлечимые болезни? Воскрешать мертвых? До какого момента простирается их возможность продлевать свою молодость? Воспитанник пожилого ученого ведь был предположи-

тельно ровесником века, а выглядел в свои сорок с лишним не старше двадцати пяти. Конечно, посредством определенной цены, которую приходилось платить за бесконечную юность и крепкость тела.

- Этот... индивид, - Франц проглотил насмешку, но уголки его губ все равно дернулись, - может отказаться с нами сотрудничать. Тем более, если вскроется мое прошлое. Какова моя роль во всем этом?

- О, - Герберт язвительно скривил губы, - выйти на след *зверя* сможет только опытный охотник.

Посетив полицейское управление, Франц получил на руки толстую папку с информацией по делу. Благо у Герберта везде были свои люди и отлаженные связи, что значительно упростило задачу.

В своей пустой, неуютной квартирке мужчина провел долгую, бессонную ночь, дотошно анализируя и взвешивая каждый незначительный факт. За время его отсутствия в Берлине все предметы здесь покрылись толстым слоем пыли, и жилище стало выглядеть окончательно необжитым. Франц решил для себя, что не задержится здесь, как только с делом будет покончено. С охотой.

Надоедливый берлинский дождь все это время тарабанил по древним мостовым и крышам соседних зданий, мешая сосредоточиться. К этой омерзительной погоде было сложно привыкнуть даже за десятилетия, проведенные здесь. Тридцать семь лет, если быть точным.

Погибших офицеров мало что связывало, кроме, разве что, смерти, поразительно напоминающей естественную. Никаких следов насильственного вмешательства или известного коронеру яда. Быстрая, почти безболезненная остановка сердца. Никакого ужаса на лицах, удушья, судорог, пены у рта. Жертвы едва успевали осознать, что с ними происходит.

Кроме, разве что одной незначительной детали: несколько седых прядей. Человек, не имевший представления о том, на что стоит обратить внимание, едва ли зафиксировал бы эту мелочь на фотографиях убитых.

Кто-то выпивал их жизнь. Аккуратно и с хирургической точностью, без следов или отпечатков. Но позволял себе этот крошечный штрих, словно оставляя послание тем, кто сможет его расшифровать.

В папку также были собраны профили и краткая информация о людях, контактировавших с погибшими накануне. Семьи. Прислуга. Другие военные. Проститутки. Последние места, которые довелось посетить жертвам, среди которых общим знаменателем было кабаре «Зеленый фонарь».

Франц без особого интереса просмотрел список сотрудников заведения, пока не зацепился взглядом за фотографию девушки с подозрительно знакомым лицом.

Некая Рената Леманн последние несколько месяцев числилась в кабаре исполнительницей вечерней программы. Двадцать лет, приехала из какой-то глуши, чтобы строить карьеру в шоу-бизнесе. Вроде бы ничего особенного, но что-то в ее чертах заставило мужчину насторожиться.

Он не узнавал ее; таких девушек в Берлине было бесчисленное множество, миловидных, улыбчивых, с темными волнами волос. И он не мог припомнить в своем окружении ни одной женщины с таким именем. Не сказать, что он тратил много сил на то, чтобы сформировать в голове галерею бывших подружек, но и не выбрасывал их из памяти бесследно. Леманн точно не была одной из них и все же казалась чертовски знакомой. Мыслительный аппарат словно давал сбой в процессе узнавания.

Франц до утра разглядывал эти черты, пытаясь вытащить из памяти необходимый образ, и гадал, не еврейка ли эта девушка случайно, пострадавшая от режима и скрывающаяся под другим именем.

Именем, которое выбиралось с умом и несло в себе скрытый смысл. Ведь в переводе с латыни оно означало «рожденная заново».

Тогда ее мотивация убивать или способствовать убийству офицеров становилась кристально ясной. Но что-то подсказывало мужчине, что все намного сложнее. И был только один способ это выяснить.

Следующим же вечером Франц отправился в кабаре «Зеленый фонарь», где проходили выступления госпожи Леманн.

В заведении мужчина выбрал неприметное место за барной стойкой, чтобы оставаться вдали от навязчивого света софитов, в котором была утоплена небольшая сцена с вычурными, темно-зелеными шторами.

Обслуживал посетителей чудаковатый господин в женской одежде, все время поправлявший сползающее с плеч пушистое боа из перьев. Заметив Франца, он улыбнулся щедро напомаженным ртом, но не получив достаточного отклика, а лишь холодный взгляд в ответ, быстро переключил свое внимание на других клиентов.

Вскоре на сцене появилась Леманн. Она выглядела старше и несколько иначе, чем на фотографии в деле, но все равно была узнаваема. Волосы теперь были высветленными на модный в последние годы манер, а вместо скромной одежды и неприметной шляпки, на ней было блестящее платье из серебристой ткани, на которой играли изумрудные всполохи от софитов.

Девушка лучезарно улыбнулась публике и приступила к выступлению, следующий час исполняя популярные немецкие песни и известные шлягеры. Голос ее был чистым и ровным, а произношение близким к идеальному, хотя в нем и была некоторая южная мягкость.

Когда Францу надоело наблюдать за девушкой на сцене, он обернулся к травести и заказал еще выпить.

- Подскажите, а во сколько фрау Леманн заканчивает и возможно ли назначить ей встречу? – осведомился он между делом. Мужчина в женской одежде нахмурился.

- Фройляйн, - бегло поправил бармен и склонил голову на бок, - здесь вам не публичный дом. Наши артисты не продаются, у нас приличное заведение.

- Простите, - Франц примирительно поднял вверх руки, - я не имел в виду ничего такого. Я всего лишь очарован фройляйн и хотел бы угостить ее выпивкой.

- Тогда сделайте это, - общаясь с барменом, он не заметил, как очередной номер закончился, а певица оказалась за его плечом собственной персоной, - я не буду против.

Леманн ловко запрыгнула на высокий стул рядом с ним, облокотилась локтями на стойку, и растрепала пальцами белоснежные кудри.

- Дик, как обычно, - обратилась она к бармену, одарив того самой очаровательной из всех возможных улыбок, - в горле пересохло.

Получив высокий стакан с каким-то причудливым коктейлем и тонкой трубочкой, девушка наконец-то соизволила обратить свое внимание на Франца. Вблизи она была еще очаровательнее, хотя в ней и было что-то опасное, заставляющее сохранять бдительность перед ее чарами.

- Так что? – нетерпеливо поинтересовалась фройляйн Леманн, - у меня пара минут перерыва. Что вы хотели мне сказать?

- Вы прекрасно поете, - с готовностью выдал то, что, вероятнее всего, девушка и ожидала услышать Франц, тем временем внимательно фиксируя каждую незначительную перемену в ее мимике, - не думали о более... престижной карьере?

- Вы продюсер? – Рената хитро сощурилась. Судя по скепсису в ее голосе, она не оставляла и малейшей возможности, что это предположение реально, а лишь поддерживала светскую беседу.

- Нет, я... - Франц прочистил горло, - просто очарован.

Он аккуратно скользнул пальцами по барной стойке, намереваясь коснуться лежащего совсем рядом локтя девушки, но она предусмотрительно отодвинулась подальше.

- Я слышу это каждый вечер, - беззаботно пожала плечами певица и ослепительно улыбнулась, - ничего нового.

В этот момент Франц искренне пожалел, что не появился сюда в форме. Вероятно, если эта красотка действительно охотится за военными, то это сделало бы ее куда более сговорчивой, и сейчас она не набивала бы себе цену с таким усердием, вынуждая его разыгрывать этот нелепый фарс с соблазнением.

- Леманн – ваш псевдоним, - убедившись, что бармен оказался у другого конца стойки и не может слышать их разговор, начал мужчина, склонившись к певице, - и имя... не похоже на настоящее.

Рената совсем не смутилась.

- Иметь псевдонимы – распространенная практика среди артистов, - холодно заметила она, тут же сбросив с себя всю искусственную веселость, - что вам нужно?

- Как вас зовут на самом деле, фройляйн Леманн? – продолжал напирать на девушку Франц. Он почувствовал, что она начинает прогибаться и давать слабинку – об этом говорил ее бегающий взгляд и ставшая напряженной поза. Еще чуть-чуть давления и она выдаст себя. – Дайте угадаю... - он нахмурился, перебирая в уме подходящие варианты, - как-нибудь вроде... Рахиль? Или Сара?

- Прекратите, - яростно зашипела его собеседница, - это возмутительно. Как вы смеете разбрасываться такими обвинениями?

- Тогда что вы скрываете, фройляйн? – почти промурлыкал Франц. Он догадался, что наступил момент для того, чтобы сбавить обороты и свести все к шутке, чтобы не спугнуть жертву совсем, - может быть, мне просто хочется вас разгадать?

Прежде чем Леманн успела среагировать, он протянул руку к ее лицу и игриво заправил упругий белый локон ей за ухо. Впрочем, длительный контакт с кожей так и не произошел, потому что певица с силой шлепнула мужчину по пальцам.

- Проблемы? – к ним уже спешил бармен, который, судя по его виду, готов был вспомнить о том, что у него под женским платьем вполне мужские мускулы и начистить Францу лицо кулаками.

- Нет, Дики, все хорошо, - беззаботно улыбнулась Леманн, при этом бросив на Франца взгляд, обжигающий арктическим холодом. Перед тем, как покинуть его общество и вернуться на сцену, она остановилась рядом с мужчиной и наклонилась так низко, что обожгла его ключицы, открытые воротом рубашки, дыханием.

- Дам вам совет, - прошептала девушка, - научитесь обращаться с женщинами, иначе разоритесь на шлюхах.

Франц в последний раз попытался ухватить ее за запястье, но фройляйн Леманн ускользнула так стремительно, что в его пальцах остался только воздух. Через мгновение она уже снова лучезарно улыбалась со сцены, гордо вздернув небольшой, но явно решительный подбородок. Ее умение держать лицо вызывало уважение.

Что, если бедняжка действительно ни в чем не виновата?

Тогда почему ее черты кажутся такими знакомыми?

Где они могли встречаться прежде?

Хотя бы только ради этого Франц должен был вернуться в это проклятое кабаре еще раз. И еще, если понадобится. До тех пор, пока не получит ответы на свои вопросы.

Глава третья.

Астрид девятнадцать лет и она возвращается домой с работы, прижимая к груди полученные за работу в госпитале продукты. Порция на двоих, а растянуть ее нужно на четырех человек.

Улицы города вроде бы и родные, любимые с детства, но теперь совершенно чужие и враждебные. Повсюду солдаты. Многие, что помоложе, оказывают девушке знаки внимания, ведь теперь Астрид уже не плоская девочка и ее свежей, мягкой красоте могла бы позавидовать и Йоханна. Когда-то. Едва ли ей, впрочем, это нужно.

У девушки привычно сжимается сердце, когда она проходит мимо дома Маевских. Теперь здесь живут другие люди и хоть они не сделали ничего плохого, Астрид не может перестать их ненавидеть. Рядом со старинной дверью некогда она нашла тот самый глобус и забрала себе, почему-то выделив именно его среди всего выставленного на выброс имущества бывших друзей семьи. Там, куда они отправились теперь, им уже не понадобятся ни глобус, ни книги, ни посуда.

Астрид запирает все замки и только после этого поднимается на второй этаж и несколько раз прерывисто стучит по внутренней стенке массивного платяного шкафа. Сердце в груди как и всегда ускоряет ход в ожидании ответа. Слишком страшно услышать только тишину. Но створка наконец-то отходит в сторону и из щели в стене появляется чумазое и худое лицо Томаша. Он стремится обнять девушку, но она торопится отдать ему сверток с едой. Как и отец она в первую очередь думает о долге, а не о чувствах. О здоровье своего друга и его сестры, а не о том, что ей столько всего хочется сказать.

Вместе с Томашем девушка пробирается в узкое пространство и устраивается рядом с ним на деревянном настиле над крышей нижнего этажа, служащем помещению полом. Йоханна неслышно подтягивается к ним из полумрака и садится на корточки. Все трое увлеченно, ничуть не беспокоясь о манерах, уплетают принесенные продукты. Когда остается только четверть, предназначенная для гера Райха, они синхронно останавливаются и откидываются в стороны, сытые и довольные. Только теперь Астрид позволяет себе обнять друзей по очереди, впрочем, несколько дольше задерживая в своих руках Томаша.

- Вас нужно вытащить отсюда, - вздыхает она, отстраняясь.

- Надоело рисковать? – язвит Йоханна, с возрастом ее характер не стал и чуточку мягче, даже в таких опасных обстоятельствах, - хочешь спихнуть ответственность на кого-то другого?

- Прекрати, - осаживает сестру Томаш.

- В городе становится все опаснее, - говорит Астрид и почему-то ей кажется, что она оправдывается, хотя это немыслимо! Оправдываться перед этой вздорной девицей, особенно после того, что они с отцом делают для их семьи. Остатков их семьи. – Они могут в любой момент снова нагрянуть с проверкой и...

Продолжать фразу не смысла.

Томаш находит на полу руку Астрид и переплетает свои пальцы с ее. Девушка слабо улыбается своему другу. Другу ли? Она все еще слишком хорошо помнит, как они долго целовались на ее постели до того, как все это началось. И лукавую улыбку пана Маевского, когда тот поздравлял ее с совершеннолетием и спрашивал скоро ли породнятся их семьи.

- Я никуда не сбегу без тебя, - клянется Томаш.

Долгожданное одиночество и возможность остаться наедине с собой совсем не облегчили участь Силдж. Стянувшееся в тугой узел в груди чувство тревоги перед неизвестностью было куда сильнее.

Мужчина запер за собой дверь и удалился, бросив Силдж на растерзание собственных неудобных мыслей. Она старательно умывалась ледяной водой, а после бродила по номеру из угла в угол, разминая затекшие за время долгой дороги конечности.

Конечно в первую очередь она проверила плотно ли закрыто небольшое окошко в санузле, и прикинула сможет ли выбраться через него, но быстро разочаровалась в этой идее. Она могла позвать на помощь, но не имела гарантий, что похититель находится достаточно далеко, чтобы не примчаться первым и не перерезать ей глотку за такие выкрутасы.

Утомившись от попыток продумать вразумительный план, Силдж долго рассматривала в зеркале свое изменившееся отражение и пыталась каким-то образом уложить произошедшее в голове.

Силдж Уре прилично за пятьдесят, ее волосы давно поседели, а кожа пожелтела и покрылась тонкой сеточкой морщин. Девушка в отражении была молода, ее длинные рыжие волосы горели благородной медью в свете лампы дневного света, а гладкой и чистой коже могла позавидовать любая фотомодель.

Что за удивительная перемена? Женщина долго ощупывала свое-чужое лицо и не могла придумать ни одного логического объяснения. Конечно, она вдоволь смотрела по телевизору фильмы про вампиров и могла допустить подобную версию, если бы не тот факт, что, вроде как, в таком случае, своего отражения в зеркале она бы не увидела.

Разнервничавшись еще больше, Силдж распустила косу и принялась перезаплетать ее заново, но без расчески выходило плохо, пряди путались, и она ожесточено дергала их пальцами, лишь усиливая беспорядок. За этим занятием ее и обнаружил похититель. Он остановился на пороге ванной комнаты и с любопытством разглядывал увлеченную своим занятием пленницу.

- Никогда не видел у тебя таких длинных волос, - поделился мужчина и не удержался, конечно же, от колкости, - тебе идет. Будет обидно, если ты сейчас их все повыдираешь и придется обрить тебя наголо.

Силдж слышала голос, чувствовала его присутствие и взгляд на себе, но предпочла никак не реагировать на услышанное. Но необходимость вступить в диалог и ответить на провокацию была очевидна.

Она зарычала и обернулась, вцепившись взглядом в похитителя. Наконец ей представилась возможность рассмотреть мужчину при нормальном освещении, потому что до этого они постоянно взаимодействовали в полумраке.

Он был достаточно молодым, вероятно, лет двадцати-пяти-тридцати, и это обстоятельство делало похищение почти шестидесятилетней тетки еще более сумасбродным поступком. Если, конечно, это не был какой-нибудь потерянный до амнезии сын Силдж Уре. Но... разве о таком можно забыть, даже после сильной черепно-мозговой травмы? Да и вел бы себя родственник, вероятнее всего, менее скверно.

Но даже неприятные обстоятельства и отвратительное поведение незнакомца не могли поспособствовать тому, чтобы пленница не оценила его физической привлекательности. Она оправдала себя тем, что мужчина вполне соответствовал общепринятым стандартам красоты: выразительные черты лица, пронзительные темно-серые глаза, при этом свете уже не кажущиеся черными омутами, густые, слегка выющиеся волосы, атлетическая фигура. Едва ли на такой странный поступок, как похищение одинокой старой девы из норвежской глуши, его толкнуло отсутствие внимания противоположного пола.

Силдж разглядывала похитителя слишком долго и была поймана с поличным.

- Пожалуйста, скажи, что ты меня вспомнила, - с неподдельной искренностью взмолился он. Это прозвучало... почти трогательно.

- Нет, - она медленно покачала головой и впала в какое-то оцепенение.

Иначе она отреагировала бы раньше и как-то препятствовала бы тому, что произошло дальше: незнакомец в пару шагов преодолел разделяющее их расстояние, взял лицо женщины в свои крупные ладони и коротко, почти невесомо поцеловал. Отвращения Силдж не почувствовала, но на всякий случай залепила нахалу пощечину и отскочила в сторону, больно ударившись ступней о некстати оказавшийся на пути ее отступления унитаз.

На самом деле она не помнила, когда кто-то целовал ее в последний раз. Подобным вещам не было места в жизни затворницы, которую она вела последние годы в Хейбу.

С кем бы она там лобызалась? Со стариком Свеном, заезжими туристами или козами мистера Ларсона?

Силдж возмущенно сопела и потирала ушибленную ногу. Это было унижительно.

- Ну, хоть в чем-то ты осталась прежней, - наблюдая за ее страданиями, ухмыльнулся похититель, заработав за это еще один испепеляющий взгляд. Женщина в ответ пригрозила ему пальцем.

- Тебя, кстати, не удивляет, что твоя внешность изменилась? – продолжал свое наступление он, еще больше усугубляя ситуацию. Силдж еще сама толком не разобралась с тем, что думает об этом и уж точно не готова была поднимать эту тему и обсуждать ее. Она придумывала язвительный ответ, когда мужчина внезапно решил оставить ее в одиночестве. Пленнице не оставалось ничего другого, как последовать за ним следом.

Он уже успел стащить тяжелые ботинки и устраивался на одной из односпальных кроватей, к счастью, не раздевшись. Стриптиз бы еще больше усугубил гнетущую атмосферу неловкости, но похититель ограничился только тем, что бросил на стул потрепанную кожаную куртку.

Судя по его невозмутимому виду, он не видел никаких проблем в том, чтобы вздремнуть и оставить свою жертву без присмотра.

- А если я сбегу? – вырвалось у Силдж. Ее взгляд зацепился за дверную ручку.

Есть ли у нее шанс, если она попытается осуществить свои намерения в действие?

- У меня чуткий сон, - предупредил похититель.

Силдж опять оставалось лишь недовольно сопеть в ответ. Она забралась на соседнюю койку и обняла свои колени, раскачиваясь из стороны в сторону. Так она просидела до тех пор, пока не заметила на прикроватной тумбочке черный прямоугольник мобильного телефона. Мужчина проследил за ее взглядом, взял смартфон, но вместо того, чтобы спрятать, разблокировал и бросил пленнице.

- Вот, развлекайся, только не донимай меня, - примирительно сказал он, - игр нет, но можешь посидеть в интернете. В полицию звонить не советую.

- Почему?

- Потому что будет звучать как бред, - похититель удивительно тепло рассмеялся и, к своему большому неудовольствию, Силдж отметила, что у него довольно располагающая к себе улыбка, - а еще нас сразу найдут те, от кого я пытаюсь тебя спасти.

Убедившись, что желанный эффект достигнут и женщина максимально сконфужена, мужчина отвернулся к противоположной стене. Силдж долго боролась с желанием отхлестать его подушкой за очередную провокацию, но вместо этого спросила другое.

- Как вас зовут?

- Франц.

- Силдж Уре.

- Называй себя как хочешь, *Астрид*, - буркнул Франц с легкой обидой, - только предупреди, когда придумаешь себе очередное новое имя.

Оставив эту непонятную фразу без комментариев, Силдж подтянула к себе телефон и уставилась на разноцветные иконки на рабочем экране. Сама она пользовалась довольно скромной техникой и подобные навороченные гаджеты вызывали у нее легкий ступор. Но зна-

чок браузера она отыскивала сразу, хотя перед этим, конечно же, поддавалась любопытству и осмотрела все, до чего смогла дотянуться.

Адресная книга поражала своей аскетической пустотой, да и немногочисленные имена в ней не давали никакой информации. Зато в галерее отыскалось некоторое количество красивых норвежских пейзажей. Женщина пролистывала их, чувствуя легкую тоску по потерянной безмятежной жизни, пока не натолкнулась на свои фотографии, сделанные издалека.

Вот она болтает с мистером Ларсоном возле ограды его фермы. Вот она выходит из мотеля, после обеда с Милли. Вот она едет на велосипеде по проселочной дороге. Вот она возле своего дома, развешивает сушиться белье на веревку.

На пленницу словно вылили ушат ледяной воды, и ей захотелось сию же минуту растолкать негодяя, чтобы выяснить, как долго он следил за ней, прежде чем решился перейти к серьезным действиям.

Ублюдок.

Чтобы успокоиться, Силдж полезла в интернет и стала искать хоть какую-то информацию по запросу «Астрид Райх», но тут же заблудилась среди профилей неизвестных однофамилиц и тезок. Была только одна статья, действительно заслуживавшая внимания, посвященная польским семьям, героически на свой страх и риск, укрывавшим евреев во время Второй мировой войны, где вскользь упоминался мужчина с такой фамилией. Только имя Астрид в статье нигде не фигурировало.

Силдж выскользнула в ванную, включила свет и вытащила из кармана своей безразмерной кофты фотографию. Она одержимо переводила взгляд с девушки на снимке на свое лицо в отражении и обратно, прежде чем решилась собрать волосы, чтобы они казались короче. Да, сходство было бесспорным.

Только эта особа могла быть кем угодно. Хоть ее прабабушкой.

Астрид...

Утомившись от своих бесплотных исканий, Силдж вернулась в комнату и забралась под одеяло с головой. Она уже почти задремала, когда через сон услышала голос Франца.

- Может быть, вернешь ее мне?

- Кого? – растерялась женщина.

- Фотографию.

- Нет, - злобно буркнула Силдж, накрылась подушкой и тут же провалилась в забытие.

Силдж проснулась от того, что ее довольно бесцеремонно потрясли за плечо, и она без труда догадалась кто именно посмел вторгнуться в ее личное пространство и нарушить ее безмятежный сон в теплой, приятно пахнущей свежестью стирального порошка постели. Женщина застонала, зарылась поглубже в подушку, пытаясь игнорировать шаги снаружи и навязчиво звонящий на прикроватной тумбочке будильник.

- Просыпайся, принцесса, - ласково сказал мужчина, но прозвучало как издевательство, - пора в дорогу.

Силдж не была соней. Она всегда рано начинала свой день и не могла припомнить за собой долгого сна, кроме тех случаев, когда валялась с простудой из-за скверного климата. Но сейчас ей просто не хотелось возвращаться в эту странную, новую реальность, в которой они с загадочным Францем ехали неизвестно куда и неизвестно зачем.

Женщина отпихнула одеяло, и села на постели, сонно моргая. И пожалела об этом в ту же секунду, потому что уперлась взглядом в обнаженный торс своего похитителя. Он без тени стыда расхаживал по номеру с полотенцем на плечах и пытался спешно досушить все еще влажные волосы. С которых на мраморно-белую кожу капали прозрачные капли, повторяя на своем пути геометрию рельефных мышц.

- Эм... - Силдж прочистила горло, - вы не могли бы... одеться.

Франц насмешливо стрельнул глазами в ее сторону, открыл рот, явно собираясь выплеснуть какой-нибудь очередной язвительный комментарий, но сдержался. Он быстро натянул рубашку и принялся застегивать пуговицы.

Силдж вздохнула облегченно. Она почти кожей чувствовала повисшее в воздухе напряжение и неловкость. В результате в наступление она пошла первой.

- Нам стоит установить некоторые границы, - сварливо сказала она, - и уважать личное пространство друг друга...

- Вот как ты теперь заговорила.

Силдж поднялась с постели, убежденная в том, что стоя будет иметь куда более внушительный вид, однако не учла разницу в росте не в свою пользу. Рядом с похитителем она казалась совсем миниатюрной.

Ее бравада мужчину, определенно, только развеселила. Он цепко уцепил свою пленницу за подбородок, вздергивая ее лицо вверх.

- О каких личных границах может быть речь, после всего, что между нами было? – понизив голос до выразительного шепота, произнес Франц, - может у тебя проблемы с памятью, но я никогда не забуду, какие вещи ты вытворяла...

Силдж не успела даже осмыслить свои действия, прежде чем залепила нахалу очередную пощечину. Впрочем, это его только позабавило.

- Я требую немного уважения, - прошипела она, - хотя бы потому, что я старше вас. Оставьте свое красноречие для сверстниц...

- Боюсь, что все они уже давно умерли, - в серых глазах Франца плясали озорные искорки. Чем сильнее Силдж злилась, тем беззаботнее выглядел он. Он снова смог загнать ее в тупик и явно получал от этого удовольствие.

- Между прочим, - снисходительно начал он, после некоторой паузы, которую выдержал, чтобы еще больше помучить свою жертву, - я намного старше тебя и тоже имею право требовать к себе уважения. И не распускать руки лишний раз. Хотя бы пока я пытаюсь спасти твою шкурку.

- Да, действительно, - женщина быстро усвоила правила игры и решила отплатить своему похитителю той же самой монетой, - я совсем забыла о том, что мы бессмертные создания. Я родилась в двадцатые, а вы... попробую угадать? – она скривилась, - во времена Наполеона? Или в Средневековье? Или нет... подождите-ка! Должно быть, в древней Греции.

Франца ее слова не задели, но ее попытку достойно парировать и выйти из ситуации хотя бы на равных он оценил. Он хитро прищурился и слегка тряхнул головой.

- Сохраним интригу, - рассудил он и меланхолично добавил, - может быть, однажды ты вспомнишь сама. Хотя на открытку на день рождения рассчитывать не буду.

Открытка!

Силдж подавила нервный смехок, потому что с трудом могла представить ситуацию, в которой решила бы оказать подобную милость человеку, который похитил ее, а теперь еще и трепал нервы грошовыми инсинуациями.

Она предпочла бы лучше сдать его на руки врачам-психиатрам, а сама убраться восвояси как можно дальше. Дальше, чем Хэйбу. Может быть на Северный полюс? Или в Австралию? Женщина утешила себя мыслью, что, возможно, за ним уже гонятся санитары из той лечебницы, которую он покинул без разрешения.

В хмуром молчании они заглянули к администратору, чтобы сдать ключи и взять кофе в дорогу.

Силдж пребывала в состоянии ступора и только на улице задумалась о том, что не воспользовалась представившейся возможностью попросить о помощи на рецепшн.

Размышляя об этом, она понуро плелась за мужчиной к автомобилю, пока не врезалась в его широкую спину, когда он резко остановился. Выглянув из-за плеча Франца, Силдж не сразу обнаружила причину его запинки.

- Scheiße, - тихо проговорил он, уставившись на машину. Женщина хмурилась, но не замечала ничего странного, пока, наконец не обнаружила причину в виде сдутых шин их транспортного средства.

Сам поди и проткнул их ночью, чтобы навести ужасу – мрачно подумала она, но почему-то промолчала.

- Нас нашли, - изменившимся голосом сказал Франц, и пятерней взлохматил свои волосы, - не нужно было здесь останавливаться.

- Что... - вяло откликнулась Силдж. А дальше произошло то, что окончательно заставило ее убедиться в полной неумолимости похитителя. Он вытащил из внутреннего кармана куртки небольшой, компактный пистолет и протянул его женщине.

- Уходи отсюда. Голосуй на шоссе.

Она изумленно захлопала глазами.

Это часть игры?

Он ее отпускает?

Все это время у него было оружие?!

- Не тормози, ласточка, - взмолился мужчина, - пожалуйста.

- Эм... ладно... хорошо... - с трудом нашла в себе силы согласиться Силдж, и спрятала оружие за ворот своей безразмерной шерстяной кофты, - а вы что собираетесь делать?

- Попробую их задержать, - просто ответил ее горе-похититель. Женщина бы посмеялась, ведь столько раз слышала эту фразу в фильмах, но отчего-то ей стало неуютно. Пистолет непривычно оттягивал ткань.

На непослушных ногах она дошла до пустующего в ранний час шоссе и остановилась, выглядывая хоть один приближающийся автомобиль. В этот момент она вдруг осознала, что получила реальный шанс вернуться обратно домой, о котором так долго мечтала. Вернуться и сделать вид, что ничего из произошедшего за эту сумасшедшую ночь не было.

Но вместо этого она забралась в подъехавшую машину к паре американских туристов направляющихся в Осло.

Глава четвертая.

Приходить в «Зеленый фонарь» для Франца стало почти традицией. Он занимал самый дальний столик, глубоко спрятанный в тени и надежно укрытый от посторонних глаз, заказывал выпивку и вечерами напролет слушал чарующий голос фройляйн Леманн.

После их единственного разговора они больше не общались. Певица старательно игнорировала присутствие мужчины, даже если и обращала на него внимание.

О, она была прекрасно осведомлена о его визитах. Франц быстро пришел к выводу, что Рената целенаправленно придерживается имиджа пусть строптивой, но кокетливой девицы. Ее лучезарная улыбка и воркующая манера речи могла обмануть того, кто не ловил на себе холодный, пронизательный взгляд ее темно-зеленых глаз. Впрочем, певица не спешила баловать своего преследователя подобной роскошью.

А вот Франц не спускал с нее взгляда, не пропуская ни одной крошечной, незначительной детали. Все социальные взаимодействия девушки он незаметно фиксировал в маленький потрепанный блокнот и, вернувшись домой, старательно анализировал.

Он мог оставить этот бесплотный труд и проверить другие версии, но интуиция подсказывала держаться выбранного пути. Прекрасно развитая интуиция охотника. Твари. Зверя.

Зверь внутри поднял голову и заинтересованно приняхивался.

В этой девушке было что-то, что намертво приковало к себе все его внимание.

За это время не произошло ни одной новой загадочной смерти. Возможно, мстительница насторожилась и приняла благоразумное решение затаиться и оценить обстановку. Возможно, Леманн была вовсе не тем, кого пытался отыскать Франц, а настоящий убийца уже давно покинул Берлин и отправился творить свою вендетту в другом месте. Но...

Пришла в обществе танцовщицы. Поболтала с барменом Диком. Любезничала с мужчиной в первом ряду. Пришла одна. Ушла в обществе танцовщицы. Улыбалась паре офицеров за четвертым столиком. Пришла вместе с барменом-сменщиком. Кокетничала. Улыбалась. Болтала у барной стойки. И все по кругу.

Доложить Герберту было решительно нечего, а признаваться в том, что Франц теряет время в кабаке вместо того, чтобы проверить других подозреваемых - значило признать свою бесполезность. Задание было важным.

Впрочем, здесь он немного лукавил, потому что имел не меньшую долю личного интереса, ведь ему впервые выдался шанс отыскать кого-то подобного себе. Другого носителя загадочного дара. Другого счастливого обладателя внутреннего зверя.

Зверь.

Он никогда не осмеливался произнести этого при Герберте, чтобы не оказаться подвергнутым насмешкам его язвительного, рационального ума. Подобная терминология куда больше подходила теософам и мистикам, а не приверженцам научного метода познания мира. Но наедине с собой Франц мог позволить подобную вольность, тем более выстраданную годами мучительной экзистенциальной рефлексии на тему особенностей своей природы.

Слишком много вопросов без ответа.

И какова вероятность того, что эта насмешливая девушка на сцене заштатного кабака – ключ ко всему?

Глядя в золотистую жидкость на дне бокала, и слушая ее мелодичный голос, Франц думал об этом вечер за вечером.

Это продолжалось до тех пор, пока однажды его уединение не нарушил рыжеволосый мужчина в штатском. Он с невозмутимым видом уселся за столик Франца и поставил перед ним бутылку и пару рюмок.

- Шнапс? – вместо приветствия деловито поинтересовался он у своего соседа и пригладил несколько выбившихся из общей массы прядей рваным движением руки. Франц нахмурился, но все-таки кивнул.

- Я думаю, что наблюдать за Леманн вместе будет веселее, - заметил рыжий, одним махом опустошив свою рюмку, и, хотя сказанное им предполагало шуточный тон, прозвучало более чем серьезно.

- Ах, наблюдать за Леманн, - усмехнулся Франц и невольно посмотрел в сторону сцены, на которую только-только поднялась певица, сияющая перед немногочисленной публикой своей заразительной улыбкой. И серебряным, как чешуя русалки, платьем.

Он уже давно отметил, что гардероб девушки не пестрел разнообразием, из чего сделал беглый вывод, что финансы ее достаточно ограничены или вопросы внешности волнуют ее только косвенно. Сомнительно для артистки, но логично для человека, который вышел на тропу войны и использует карьеру в шоу-бизнесе как прикрытие для других, куда более важных занятий.

- Поклонник творчества? – фыркнул он тем временем. Рыжий мужчина сдержанно улыбнулся одними уголками губ и медленно покачал головой.

- Такой же, как и вы, я полагаю, - парировал он.

- Девушка и в правду талантлива, - невозмутимо продолжал гнуть свою линию Франц и, в действительности, даже не лукавил, говоря это, ведь слушать выступления Леманн было настоящим удовольствием, - не согласны?

- Я думаю, что у нее много... разных дарований, - сказал рыжий мужчина и склонил голову на бок, внимательно считывая реакцию собеседника на услышанное высказывание. Увы, его пирует не возымел особого результата – Франц остался невозмутимым. В такие моменты он испытывал сильную благодарность своему безэмоциональному наставнику, привычку которого держать под контролем свои эмоции пытался перенять всю сознательную жизнь. Временами успешно, а временами куда менее, конечно.

Он допил содержимое своего бокала и попытался прикинуть в уме вероятность того, что рыжего привели сюда иные причины, нежели его самого. В конце концов он мог быть сотрудником полиции нравов и проверять состояние дел в кабаре, что, конечно, было бы редкой удачей.

- Вы военный. Или бывший военный, - решил тем временем перейти в наступление незваный гость, вероятно, утомившийся обмениваться любезностями, - вас выдают ваши рефлексy и осанка. Но меня не ставили в известность о том, что к расследованию подключилась тайная полиция.

- Если вам так угодно, то я работаю на частное лицо, - пожал плечами Франц, ничуть не впечатленный наблюдательностью собеседника.

- Утолите мое любопытство – какой здесь интерес у частного лица? – заинтересовался рыжий мужчина.

- Нет.

Рыжий насупился, запустил руку во внутренний карман пиджака и аккуратно, так, чтобы действие не привлекло внимания других посетителей заведения, открыл и подтолкнул к Францу по столу полицейскую корочку.

- Комиссар Вильгельм Ланге, - решил дополнить свою наглядную иллюстрацию словами рыжий мужчина, - главное полицейское управление Берлина, отдел убийств.

- О, ясно, - многозначительно протянул Франц, подтянул документ к себе и пробежался глазами по словам, подтверждавшим правдивость сказанного его новым знакомым, - приятно познакомиться, гер комиссар. Не имею возможности похвастаться корочкой, но если вам будет угодно, могу представиться. Франц Нойманн. Рад составить вам компанию в свободное от работы время.

Он изо всех сил старался казаться дружелюбным и даже ладонь для рукопожатия протянул, но рыжий полицейский проигнорировал этот жест. Он презрительно поджал губы и разом сбросил с себя всю прежнюю беззаботность и попытки поддерживать атмосферу непринужденного общения между ними.

- Мне известно, кто вы, гер Нойманн, - ворчливо сказал он, - я прекрасно знаком с вашим отцом. Однако, я не верю в совпадения и мне кажется чрезвычайно интересным почему сын судмедэксперта, привлеченного к расследованию, ошивается возле главной подозреваемой...

- И в чем же подозревается фройляйн Леманн? – лениво оборвал его Франц, - отец немного посвятил меня в подробности своей работы и у меня сложилось впечатление, что все несчастные погибли естественной смертью.

Ланге нахмурился и слегка покачал головой, не справившись с нахлынувшим на него разочарованием от осведомленности собеседника, позволившей поставить его в тупик.

- Вы правы, - нехотя согласился он, - прямых обвинений фройляйн мы предъявить не можем, но она имела непосредственный контакт со всеми погибшими. Есть и другие причины держать ее под наблюдением.

- Например?

Некоторое время они с рыжим молчали, украдкой наблюдая за закончившей очередной номер Леманн. Певица тихонько щебетала о чем-то с мужчиной за первым столиком, угостившим ее выпивкой. Общались они так, словно были хорошо знакомы, но Франц уже достаточно долго приглядывался к девушке, чтобы понимать ошибочность такого предположения. Фройляйн со всеми была исключительно мила. Кроме него, пожалуй.

- Что же с ней не так? – проговорил он задумчиво, возвращая себе внимание засмотревшегося на девушку Ланге, - она еврейка?

- Она не еврейка, - наконец-то заговорил детектив и хмуро глянул на собеседника из-под бледных рыжих бровей, - по документам – Катарина Шефер, немка, родом из Баварии, сирота. Снимает квартиру вместе с подругой. Вечерами выступает здесь, днем посещает кинопробы и курсы актерского мастерства.

Вильгельм замолчал, выдерживая паузу, чтобы у Франца было время переварить информацию, которую мужчина тут же интерпретировал как крайне бесполезную, хотя и не пропустил мимо ушей совсем. Это могли бы быть полезные сведения, если бы в них имелась хоть крупинка правдоподобия.

- Но вот что любопытно, - продолжил рыжий, - я связался со своими коллегами в Мюнхене и получил отчет о том, что зарегистрированная там девушка с таким же именем, датой и местом рождения полгода назад скончалась от туберкулеза.

- Любопытно, - с серьезным видом кивнул Франц, - и какова ваша версия? Кто же перед нами? Привидение? – он сдержанно хохотнул себе в кулак, из-под маски напускной веселости украдкой наблюдая за реакциями своего собеседника, - это могло бы объяснить ее связь с загадочными смертями... Может ли быть голос – ее орудием убийства? Мы с вами в опасности, гер комиссар?

Вильгельм фыркнул и покачал головой.

- Смейтесь, пока весело, - с предостережением в голосе проговорил он, - но здесь может быть замешана партизанская сеть, располагающая еще плохо изученным нашими специалистами ядом мгновенного действия. Мне не хотелось бы, чтобы многоуважаемый мной и другими моими коллегами гер Нойманн лишился сына из-за того, что кто-то решил поиграть в детектива. Все погибшие были офицерами, а ваш чин, если не ошибаюсь, оберст-лейтенант?

- Благодарю вас за такую трогательную заботу, - обронил Франц, холодея внутри и прикладывая все усилия для того, чтобы продолжать выглядеть насмешливым и скучающим в глазах собеседника, - вы правы, оберст-лейтенант, хотя я и завершил свою военную карьеру. Однако, я по-прежнему верю в величие Рейха и сомневаюсь, что какие-то грязные партизаны

смогли разработать фантастический яд, присутствие которого в организме жертвы не смог распознать даже такой талантливый ученый, как мой *многоуважаемый* отец, - он нахмурился и строго спросил, - или вы сомневаетесь в научных достижениях нашей великой страны и компетентности тех, кто трудится ей во благо?

Вильгельма подобными провокациями было не пронять, но жалкая попытка стоила того, чтобы быть совершенной, ведь услышанное заставило его смягчиться и слегка потерять интерес. Вероятно, он был не высокого мнения о пустоголовых патриотах, которыми сейчас кишела любая из прослоек общества, а полицейское управление куда более, чем слишком. И такие высказывания сыграли на то, чтобы списать Франца со счетов в качестве достойного соперника в споре.

А вот Франц, к несчастью, был противоположного мнения и быстро пришел к мысли, что Ланге имеет все шансы стать серьезным препятствием на пути к достижению цели. Он был умен. Но его ум и рациональность не мешали ему мыслить нетривиально и могли привести к правильным выводам. Какими бы фантастическими они не оказались.

Франц попытался успокоить себя, что свяжется с Гербертом и вместе они найдут способы решения наметившейся проблемы. Доктор Нойманн, в конце концов, на хорошем счету в полицейском управлении и с легкостью отыщет необходимые рычаги давления для того, чтобы занять пытливый ум рыжего комиссара другими важными вопросами, а на его место посадить пустоголового идиота, который не додумается связать две ниточки причинно-следственных связей даже если они будут маячить у него перед носом.

- Что вы, - отмер Ланге после некоторой паузы, пока каждый из них размышлял о чем-то своем, - ничуть не сомневаюсь. Да здравствует Рейх! – и все-таки понизив голос, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания, добавил, - хайль Гитлер.

- Хайль Гитлер, - эхом повторил за ним Франц, благодарный отцу за то, что давно научился не давиться словами горчащими на языке. И невольно бросил короткий взгляд в сторону фройляйн Леманн.

Она не могла слышать окончание их разговора с рыжим комиссаром, как, впрочем, и сам разговор, и вряд ли владела искусством чтения по губам. Но на мгновение Францу показалось, что брошенная им фраза заставила ее слегка нахмуриться и прикусить аккуратными зубами верхнюю губу, все еще изогнутую в улыбке. Улыбке, которая теперь казалась не искренней, а натянутой и искусственной.

Перед окончанием выступления Леманн Франц вышел из кабаре на улицу и без труда отыскал торговку цветами. Щедро наградив продрогшую на осеннем ветру женщину рейхсмарками, он обзавелся симпатичным букетом полевых цветов.

С этим подношением он заявился к кулисам заведения, где отыскал взглядом сияющую серебром плаття Леманн. Однако, вопреки ожиданиям девушки, он направился к ее подруге-танцовщице и с торжественным видом вручил букет ей. Хрупкая брюнетка расплылась в улыбке. Она принялась неловко благодарить незнакомца, после убежала в свою гримерную, чтобы поставить цветы в вазу.

Конечно, Леманн не могла оставить подобное без внимания и даже решила отказаться от выбранной ей тактики полного игнорирования существования Франца. Она решительно направилась к мужчине, грациозно цокая по полу невысокими каблуками простых черных туфель. Сияющая серебром, словно сотканная из звездного света. Такая же далекая и холодная.

- А я уже понадеялась, что вы все-таки не так плохо воспитаны и предпримете попытку извиниться за свое отвратительное поведение, - сказала она, поправляя легкую как паутина, прозрачную шаль из серебристых нитей на худеньких плечах. Глаза ее недобро поблескивали. И у мужчины не было никаких моральных сил на то, чтобы строить предположения о причинах

ее явной немилости и пытаться связать это с неловким эпизодом произошедшим около часа назад.

- Извинения приносят, а не покупают, - с готовностью парировал Франц. Девушка хмыкнула и склонила голову на бок, вероятно, рассчитывая, что сейчас он все-таки соизволит произнести слова покаяния за их первый разговор.

Еще чего.

Леманн оскорбилась еще больше, но виду не подала. Выдавал ее возмущение только взгляд, но на губах по-прежнему играла легкая, вежливая улыбка.

- К слову, о покупках... - заговорила она мягким, обманчиво нежным голосом, - я видела, что вы нашли себе приятеля. Но должна вас расстроить – даже если вы вместе сложите свои жалкие сбережения, вы не соберете достаточной суммы, чтобы купить мое расположение.

- Помилуйте, фройляйн, - Франц не сдержал холодной улыбки, хотя внутри содрогнулся от осознания, что почти попал под действие чар этой чертовки и начинал терять ясность рассудка, - вы сами пытаетесь назначить себе цену. Я никогда бы не посмел оскорбить вас подобным образом.

Леманн слегка покачала головой. Ее взгляд был настолько колким и ясным, словно она владела талантом к ясновидению и без труда читала мысли своего собеседника.

А мысли мужчины в этот момент были далеки от сказанных им только что слов как Африка от Северного полюса.

Конечно, он не воспринимал ее как женщину легкого поведения, но с удовольствием использовал бы именно по этому назначению. Хотя бы для того, чтобы стереть это мерзкое самодовольство с ее миленького личика. Быть растрепанной и раскрасневшейся от страсти ей подошло бы больше, а в постели многие люди становились куда разговорчивее, чем в обычной жизни.

Есть ли белье под этим переливающимся, словно рыба чешуя платьем? Так ли нежен ее голос, когда из ее горла вырываются не звуки музыки, а стоны?

- И... - Франц и сам не заметил, как хрипло, порочно прозвучали его слова, - я все равно не привык платить за удовольствие.

Формулировка не выходила за рамки приличий, но услышанное оскорбило певицу до глубины души. Ее маска светского равнодушия соскользнула с лица, обнажая ее настоящие, ничем не прикрытые эмоции. Болотно-зеленые глаза заполыхали от ярости и стали почти черными, мягкие черты лица исказились и заострились, как у хищника, загнанного в угол и готового обороняться до последней капли своей или чужой крови.

Она шумно вдохнула воздух носом, возвращая себе утраченное самообладание.

- Ваша самонадеянность вызвала бы восхищение, если бы не была такой жалкой, - процедила Леманн сквозь плотно стиснутые зубы и как-то непроизвольно дернула рукой в воздухе, словно собиралась вклеить собеседнику пощечину, но в последний момент удержала себя от этого действия. Вместо этого она выудила из крошечной сумочки красивый дамский портсигар и затянулась сигаретой. Выпустив в воздух облачко дыма, она продолжила свою обвинительную речь, - мне придется развенчать сложившееся у вас заблуждение о том, что это место – публичный дом. Если вы заинтересованы в удовлетворении подобных потребностей, я думаю, что вам стоит обратиться в другое заведение. И уважения к себе там у вас никто требовать не будет. А я не позволю с собой так обращаться. Если я женщина – это не значит, что я не способна за себя постоять.

Ее глаза больше не были полны неподдельной злобы и теперь горели вызовом. Франц бы предположил, что в какой-то момент их словесная дуэль перестала причинять ей неудобство и начала вызывать любопытство, но женская психология была слишком загадочной для таких решительных выводов. В любом случае, характер фройляйн Леманн невольно вызывал выражение и легкие нотки чувства вины за то, что он банальной неосторожности надавил на

ее болезненное место, спровоцировав такой эмоциональный всплеск. Франц был воспитанником Герберта, но не способен был до конца искоренить в себе червоточину человеческой иррациональности, которой был чужд его названный отец.

- Простите, фройляйн, - неловко сказал он, растеряв все свои таланты к красноречию, - если бы вы дали мне шанс, то, возможно, мы обошлись бы и без насилия.

Этого говорить не стоило, о чем свидетельствовал неприятный холодок, пробежавшийся по позвоночнику. Глупая шутка отозвалась болью в виске и грозила погубить все жалкие попытки урегулировать конфликт, но возымела неожиданный результат.

Леманн не скривилась и не фыркнула, а вполне дружелюбно рассмеялась, хотя глаза ее заметно похолодели.

- Я полагаю, что у меня нет возможности отказаться? – поинтересовалась она, хитро прищурившись, - вы весьма настойчивы, гер...

- Нойманн. Франц Нойманн.

- Гер Нойманн, - задумчиво повторила фройлейн Леманн, словно взвешивая слога на языке и проверяя их звучность для своего мелодичного голоса. Судя по ее виду, она о чем-то торопливо размышляла, воспользовавшись этой небольшой паузой, после которой поделилась результатами своих умозаключений, - ваше имя так красноречиво, что тоже вынуждает сомневаться в его подлинности.

Леманн склонила голову на бок и несколько кудрявых белоснежных прядей упали ей на скулу. Франц поддался искушению поправить их, но стоило ему потянуться к лицу девушки, как она испуганно отпрянула и нахмурилась.

- Вам не стоит меня бояться, фройляйн, - стараясь заставить свой голос звучать мягко, сказал он, почти готовый наконец-то перестать обмениваться колкостями и ходить вокруг да около и перейти к сути. Но в последний момент искренность застряла в горле комом, и мужчина выдал совсем не то, что собирался, - ваша красота и ваш голос очаровали меня...

- Чушь, - воинственно оборвала его девушка и быстро пресекла, - вы лжете. И получается у вас скверно. Я артистка, но это не значит, что я глупа и легко на это поведусь. Я не знаю ваших истинных намерений, но готова поклясться, что вы полицейский или военный. Мне жаль вас огорчать, но вы, гер Нойманн, попросту теряете здесь время, вместо того, чтобы заниматься своими прямыми обязанностями. Вам нечего мне предъявить...

- Катарина – очень красивое имя, - передернул Франц, который уже потихоньку начинал выходить из себя. Роль восторженного поклонника давалась ему с трудом, но отвратительнее всего в ней было то, что она не возымела никакого эффекта и эта вздорная девица с легкостью пресекала все попытки втереться ей в доверие посредством незатейливого флирта. Желание прижать ее к стенке и начать задавать совсем другие вопросы нарастало с каждым мгновением.

- Согласна, - усмехнулась Леманн, отступила и надменно задрала подбородок, - ведь так меня зовут на самом деле, о чем вы уже, конечно, знаете.

- Вас? Или девушку, которая умерла от туберкулеза в Мюнхене?

Взглядом его собеседницы можно было порезаться, ее зеленые глаза источали яд. Зеленые, как у ведьмы из детских сказок, того самого оттенка, который имеет лесной мох. Или заболоченное озеро со стоячей, мертвой водой, где нашел свою кончину не один неосторожный путник. В это мгновение у Франца не было и малейших сомнений в том, что эта хрупкая девушка перед ним способна на убийство, а в ее тщедушном теле прячется зверь.

Зверь.

Пользуясь ее замешательством и своими инстинктами охотника, он быстро протянул руку и сжал пальцы на спичечно-тонком запястье фройлейн Леманн, но девушка оказалась проворнее и ловко освободилась от его хватки. Попытка опытным путем проверить наличие у нее способностей с треском провалилась, а вторжение в личное пространство распалило бестию еще больше.

- Убирайтесь! – рявкнула девушка, тяжело дыша, - оставьте меня в покое.

Франц судорожно пытался проанализировать свои ощущения от их короткого тактильного контакта, но с раздражением вынужден был признать, что все произошло слишком быстро для того, чтобы сделать хоть какие-то вразумительные выводы. Никакой вспышки света не было, земля не разверзлась – разве что только в метафорическом плане. Ведь внутри мужчины поселилось сильное, навязчивое желание все-таки довести задуманное до конца, а заодно утолить жажду в теплом бархате кожи строптивой певицы

Хочет набивать себе цену – пожалуйста. Ему хватит благоразумия, чтобы принять навязанные правила игры и все-таки вывернуть ситуацию себе на пользу.

- Виноват, - Франц примирительно поднял в воздух руки, слабо надеясь на успех попытки урегулировать конфликт мирным путем, - что мне захотелось узнать имя той, чей образ не выходит у меня из головы. Возможно, меня и привели в это место определенные интересы, но я забыл обо всем, только услышал ваш голос.

- Тогда слушайте, - удивительно беззаботно для ситуации пожала плечами Леманн, - боюсь, что это все, на что вы можете рассчитывать.

И кокетливо взмахнув длинными ресницами, она резко развернулась на каблуках и направилась в сторону гримерных, своим эффектным уходом вполне красноречиво давая собеседнику понять, что на сегодня разговор закончен.

Франц проводил певицу взглядом, размышляя о том, чего же ему все-таки хочется больше – придушить чертовку или все-таки сначала затащить в постель.

- Когда вы были ребенком, вам было известно о пристрастии вашего отца к наркотикам?

- Да, было известно.

- И что вы испытывали по этому поводу? Тогда, в детстве.

- Злость. На обстоятельства, которые его к этому подтолкнули, а не на него. У него были сильные боли, и только опиаты помогали ему с ними справляться.

- Что-то еще? Может быть тревогу? Вы думали о неотвратимости его кончины?

- Нет. Я предпочитаю не привязываться к людям.

И все-таки он возвращался в дом, уютный, хорошо меблированный, полный милых мелочей, общий дом с женой.

Всю дорогу до Йокерса Франц непрерывно прокручивал в голове фрагменты последнего сеанса с доктором Якоби. Проклятый мозгоправ снова и снова вытаскивал на поверхность воспоминания о старике Герберте, и мужчине трудно было перестать думать о своем давно почившем опекуне после. Темы, которые они затрагивали с доктором были поверхностными и бесполезными, но у Франца не было такой роскоши, как возможность сказать психиатру правду.

Вероятно, доктор Якоби был бы счастлив услышать от своего подопечного о том, что тот до сих пор испытывает чувство вины перед своим названным отцом. За неоправданные надежды. За невозможность изменить его участь и подарить старику вечную жизнь.

Это в массовом искусстве вампиризм и идущее к нему бонусом бессмертие с легкостью передавались посредством укуса в шею. С годами Франц начал проводить параллели, но не до конца был уверен в том, что корректно использовать этот конкретный термин по отношению к собственному случаю и остальным себе подобным, а вместо научной базы полагаться на мировую мифологию и суеверия.

От суеверий раковая опухоль Герберта не становилась меньше. А их многолетние поиски и эксперименты так и не увенчались успехом, оставив Францу только безрадостную перспективу засвидетельствовать кончину близкого человека и жить дальше.

Он не любил Монику, но испытывал рядом с ней максимальный комфорт.

Любовь – глупость, которую нельзя позволять себе, если живешь настолько долго, что неминуемо станешь свидетелем смерти ее объекта. Потому что их уютный домик с красивым садом на заднем дворе, весь так заботливо и аккуратно выстроенный быт, рано или поздно рассыплется в прах, оставив Франца с полным нолем в сухом остатке.

Но это не означало, что стоит оставить попытки наладить простую человеческую жизнь и не стремиться к тому, чтобы обрести для себя берег утешения. Хоть какой-то берег утешения среди бесконечно переменчивого мира.

Францу почувствовал, что что-то не так, даже не успев еще переступить порога дома. Интуиция охотника не дремала даже среди тихого пригорода, что временами приносило реальную, неоспоримую пользу. Шнырять в поисках жертвы по темным подворотням – издержки бытия зверя, а вот выхватить соседскую коляску из-под несущейся на всех парах «мазерати» вполне приятный бонус и гарант приглашения на барбекю в каждой приличной семье на районе.

Конечно, Моника могла раньше вернуться со своего занятия по пилатесу, а Генри запросто решил бы сбежать с уроков, чтобы посмотреть телевизор, но от их присутствия не разлило таким откровенным ощущением опасности. И только от нахождения в непосредственной близости от одного конкретного создания могло так простреливать электричеством по позвоночнику и тянуть в старом, давно несуществующем шраме.

Гостья вальяжно развалилась в кресле, закинув длинные ноги в тяжелых ботинках на подлокотник. С коротким черным каре и челкой, в джинсовых шортах и красной клетчатой рубашке она выглядела совсем ребенком, даже куда более юной, чем в их первую встречу. Почти ровесницей Генри. Определенно, *питалась* она во время своего отсутствия крайне неплохо.

При виде мужчины Астрид надула пузырь из жвачки и шутливо изобразила руками подобие реверанса.

- Крутой дом, - снисходительно сказала она, - как из рекламного буклета.

- Какого черта ты тут делаешь? – сухо поинтересовался Франц, абсолютно не испытывая восторга по поводу ее внезапного вторжения в его выстроенный, аккуратный мир, - как ты меня нашла?

- Не забывай, что у меня много друзей в Штатах, - усмехнулась девушка и соизволила опустить ноги с подлокотника, оставив на белом пушистом ковре грязные следы от ботинок, словно заявившись сюда сразу после прогулки по болоту, - Фрэнк. Дурацкое имя.

- Я даже не буду пытаться сделать вид, что меня интересует твое мнение, - огрызнулся в ответ Франц. Астрид нахмурилась, склонила голову на бок и слегка сузила свои зеленые глаза. Этот жест был хорошо знаком мужчине, как и многие другие ее повадки. Сейчас она разрывалась между желанием наслаждаться обменом любезностями и дальше или все-таки перейти к цели своего визита. Вбалмошная немка не была бы собой, если бы однозначно остановилась на втором варианте.

- Такая счастливая мещанская жизнь, - растягивая слова, промурлыкала она, - милая жена, парнишка, дом. Продаешь японские автомобили? Или нет... это слишком скучно, да и твой пиджачок из масс-маркета говорит о другом. Преподаешь в заштатном колледже какую-нибудь гуманитарную хрень? И потрахииваешь студенток?

- Ревнуешь? – усмехнулся Франц. Девушка скривилась, будто проглотила целый лимон, но быстро взяла себя в руки и холодно улыбнулась.

- Конечно, - фыркнула она, - мы ведь созданы друг для друга.

Словесная дуэль уже успела наскучить мужчине, и он опасливо поглядывал на часы, висящие над камином из белого кирпича. Ему совершенно не хотелось, чтобы в разгар их очередной разборки с Астрид объявилась Моника или еще того хуже Генри и проблема была даже не в том, каким образом представить семье свою гостью и объяснить ее присутствие в их доме.

Эта гостья имела фантастическую способность разуверять Франца в убеждении, что его уже ничем невозможно удивить. Удивляла. Каждый чертов раз.

- Что тебе нужно? – прямо спросил Франц. Астрид театрально вздохнула и вся прежняя веселость мигом исчезла с ее лица, хотя в этом образе все равно было крайне сложно воспринимать ее всерьез. Как будто в его дом забралась девчонка-подросток, поклонница печально известного романа Набокова, выбравшая соседа по кварталу объектом хищных проявлений своей юной сексуальности.

Нужно было отдать должное ее умению перевоплощаться почти до неузнаваемости. И дело было даже не в частых сменах имен, фамилий или имиджа. Надевая на себя новую личность, словно какой-то предмет гардероба, Астрид обзаводилась новым набором повадок, привычек и даже мимики. Из нее бы вышла отличная актриса, и Францу временами было искренне жаль, что кинопробам и построению карьеры, которая была только удачным прикрытием, она все-таки предпочитала убийства.

- Не поверишь, но я здесь с благими намерениями, - заявила девушка, - спасти твою шкуру. Кое-кто очень хочет тебя найти. И вряд ли для дружеской беседы.

- Как мило, - хмыкнул мужчина, - но ты не думала, что я справлюсь сам?

- Я не исключала такой возможности, - призналась Астрид и взглядом указала на ряд фотографий на каминной полке, - но не хочется, чтобы пострадали невинные люди. Это твой сын?

Францу нестерпимо захотелось придушить свою гостью хотя бы только за то, что она посмела заговорить о Генри. За то, что ей хватило наглости и цинизма заявиться сюда, и теперь еще и пытаться манипулировать им посредством упоминаний его близких.

- Нет, - нехотя признался он, с неудовольствием признавая, что теперь он словно оправдывается перед ней, - это ребенок моей жены, но...

- Да брось. Злишься, что я спросила, - оборвала его Астрид, грациозно поднялась с кресла и сделала шаг навстречу мужчине, - но *он* интересоваться не будет. Решит, что мальчишка – такое же отродье. Он не успокоится, пока не уничтожит всех.

Франц тяжело вздохнул и попятился назад, расширяя границы своего личного пространства, в которые эта чертовка посмела вторгнуться без малейшей тени смущения. С каждым ее шагом границы эти становились все более и более эфемерными.

Она по-прежнему имела над всеми его органами чувств слишком сильную власть и до мужчины уже успел донестись приторный, но ядовитый аромат ее парфюма. Неизменный за сорок лет. Столько лиц, столько масок и один запах. Он бы посмеялся, представляя, как Астрид мечется по всем блошиным рынкам мира, чтобы добыть хоть каплю своих любимых духов, давно снятых с производства, если бы ситуация позволяла.

Он запустил руки в волосы и помассировал кожу головы, пытаясь всеми этими нехитрыми манипуляциями хоть немного унять нарастающую боль в висках.

- Я разберусь, - сухо сказал мужчина, наконец-то собравшись для этого с силами, - спасибо за заботу, но... убирайся.

Астрид недовольно цокнула языком.

- Какой же ты эгоист, дорогой, - осудила она своего собеседника и кивком головы указала на фотографии беззаботной семьи на полках, - хочешь втянуть их в этот кошмар, только потому, что тебе так удобно? Тебе на самом деле плевать на них, верно? Они – только часть картинки, которую ты себе нарисовал, в которой нет ни капли правды. Люди ведь также недолговечны как и вещи? Так что, в сущности, нет никакой разницы между твоей женой, пасынком и вот этим диваном из Икеи, - девушка со злостью пнула ни в чем не повинный предмет мебели. Язык ее тела кричал о приближающейся истерике и неясными оставались только ее причины. Астрид даже полвека спустя оставалась крайне загадочной особой. Франц невольно представил ее на кушетке в кабинете доктора Якоби.

Вы пытаетесь переложить свое чувство вины на чужие плечи?

Это связано со смертью вашего отца?

Вам нравится чувствовать себя жертвой?

Вы несчастливы и не можете допустить мысль, что кто-то может быть счастлив?

На мгновение Францу стало невыносимо жаль эту беспокойную девушку, стоящую посреди его гостиной с беспомощным и потерянным видом – совершенно чужую среди уюта и домашнего тепла, куда она вломилась напрямик из тех мрачных лабиринтов, в которые превратила свою жизнь. Он был вынужден напомнить себе, что Астрид сама, вполне осознанно, всегда выбирала путь наибольшего сопротивления.

И все же ее болотные глаза под густой челкой были почти молящими.

- Послушай... - вкрадчиво зашептала она на выдохе, - ты думал о том, что будет с ними потом? Ты готов к тому, что мальчик будет взрослеть у тебя на глазах, а жена – стареть? Готов похоронить их? Время милосердно к нам, но не к ним... и это... глупо, - она опустила густые ресницы и нежно провела костяшками пальцев по щеке Франца, - Ты ведь не сказал им, кто ты? Разве это честно?

Великолепная актриса.

Он аккуратно отвел руку девушки в сторону и покачал головой.

- Прекрати, - холодно сказал хозяин дома и указал на дверь, - уходи. Или мне выкинуть тебя отсюда за шкуру?

Астрид оскалилась как бешеная кошка и мгновенно изменилась в лице. Из ее черт исчезла вся тягучая меланхоличность, а на смену ей пришли привычная озлобленность и самоуверенность. Ее зеленые глаза недобро блеснули, а тонкие пальцы сжались в кулаки.

- Козел, - прорычала она, - я заставлю тебя.

В следующее мгновение она уже вытащила из-за спины, припрятанный за поясом шорт пистолет и нацелила его Францу в лицо. Он лишь скептически поднял брови, демонстрируя крайнее пренебрежение к устроенному девушкой представлению.

- С этого стоило начинать, - не удержался он от насмешки, - дипломатия – не твоя сильная сторона.

- Я спасаю твою чертову жизнь, - сказала Астрид, поглаживая пальцами ствол, - так что, будь, сука, добр, пойти со мной.

- С чего вдруг такое беспокойство? – нахмурился мужчина, - ты же сама давно мечтала со мной расквитаться. Даже не придется пачкать руки.

- Потому что они, - девушка взглядом указала в сторону каминной полки, - ни в чем не виноваты. А ты, тупой ублюдок, утянешь их в ад за собой.

Образ разъяренной фурии, извергающей тонны проклятий своим нежным ртом, шел Астрид куда больше драматичного заламывания рук. В этом было какое-то привычное, родное постоянство. Франц почти поверил и повелся на то, что годы и жизненный опыт сделали воинственную валькирию куда менее непримиримой в суждениях, но хоть что-то в этом мире должно было оставаться неизменным.

Воспользовавшись минутной заминкой, Франц рванулся к девушке, уклонившись от просвистевшей прямо над ухом пули, и вцепился в руку с пистолетом, пытаясь вырвать оружие. Астрид яростно зашипела и сильно ударила его по лицу, изворачиваясь, чтобы освободиться из захвата. Но их физические показатели явно были не равны, хотя незваную гостью и подпитывала полыхающая в ней ярость. В пылу борьбы, они снесли со столика вазу с цветами и перевернули кресло, о которое благополучно споткнулись и продолжили свою возню уже на полу.

- Соседи вызовут полицию, - прошипел Франц, дергая на себя пистолет, - я с удовольствием сдам тебя копам, чтобы остаток своей бесконечной жизни ты провела за решеткой.

- Ну-ну, - усмехнулась в ответ девушка, тяжело дыша, - а я скажу, что защищалась, потому что ты пытался меня изнасиловать...

- В моем же доме? – нервно рассмеялся Франц и не удержался от колкости, - с чего ты вообще взяла, что мне вообще это интересно? Твое самомнение восхищало бы, если бы не было таким жалким...

Он тут же пожалел, что вступил на опасную территорию, потому что обида придавала девушке сил. Ей удалось перевернуть ситуацию в свою пользу и теперь она восседала на мужчине верхом, прижимая пистолет к его подбородку и злобно скалилась.

- А тогда, значит, тебе было интересно? – зарычала Астрид и еще раз ударила Франца по лицу, куда сильнее, чем в прошлый раз, хотя вроде как уже не было особой необходимости и она итак владела положением. Мужчина почувствовал на губах привкус крови из разбитого носа.

Великолепно.

- Я спасал тебя от худшей участи, - невозмутимо заявил он.

- Ты превратил мою жизнь в ад, - передернула Астрид и сделала несколько глубоких вдохов, возвращая себе самообладание. Она вдруг стала холодной и собранной, хотя глаза ее по-прежнему дьявольски сверкали, словно она была одержима всеми демонами преисподней. Франц совершил свою привычную ошибку решив, что она не сможет его удивить, даже если дальше начнет ругаться на латыни и ходить по потолку. Но вместо этого девушка притронулась пальцами к лицу мужчины и слизнула с подушечек его кровь.

- Ненавижу, - обращаясь скорее к себе, чем к нему, произнесла она. А затем отбросила пистолет в сторону и наклонилась, пряча их лица за пологом коротких, черных волос. Их губы встретились в колючем, бешеном поцелуе с металлическим привкусом крови и это ощущалось самым правильным из всех возможных продолжений их противостояния.

Как и всегда.

В голове у Франца воцарилась блаженная пустота, затихло навязчивое марево мыслей. Он и думать забыл о Монике и Генри, о докторе Якоби, о всех своих жалких попытках наладить простую, человеческую жизнь. Пресную, безвкусную жизнь, в которой не было этой безумной девушки, пьянящей как алкоголь.

Он словно вынырнул из глубокой пучины, чтобы сделать вдох и теперь кислород обжигал изголодавшиеся по нему легкие.

Также яростно, как мгновение назад дрались, они освобождались от мешающей одежды, ставшей нежелательной преградой для того, чтобы слиться воедино. Они так увлеклись, что не заметили, как учинили еще больший погром в гостиной, перевернув и уничтожив все, что еще каким-то чудом умудрилось остаться целым, а заодно все жалкие попытки Франца построить обычный, мещанский быт. Быт, в котором не было места для такой безумной страсти. Едва ли они с женой позволяли себе хоть раз настолько забыть.

С женой, которая, кстати, выбрала самый подходящий момент для того, чтобы закончить со всеми своими дневными делами и вернуться в уютное гнездышко. У неверного мужа не было и малейшего шанса услышать робкие шаги и ее привычное, приветливое «милый, я дома» за оглушающим шумом крови в ушах.

Моника робко кашлянула, привлекая к себе внимание.

- Фрэнк... - обронила женщина дрожащим голосом, прижимая груди бумажный пакет с продуктами.

Франц привычно выругался по-немецки и отстранился от откровенно забавляющейся ситуацией Астрид, пытаясь спешно натянуть спущенные брюки.

Миловидная брюнетка в дверях гостиной бледнела все больше, наблюдая неловкую возню пойманного с поличным супруга. Астрид облокотилась спиной о каминный альков и с легкой, злобной улыбкой наблюдала за происходящим. Ее стоило убить за одно только выражение бесконечного торжества на лице, но Франц вынужден был отложить этот план на недалекое будущее.

- Фрэнк... - повторила Моника и покачала головой, а затем зажмурилась, словно по-детски пыталась поверить, что это поможет увиденному исчезнуть, - как ты мог...

- Ох, scheiße, - только и мог сказать Франц, потому что любые попытки оправдаться уже заведомо были обречены на провал.

- Уходи, - тихо проговорила Моника и это было намного хуже, чем если бы она подняла крик и начала швыряться предметами, - пожалуйста, уходи.

Франц плохо помнил, как возвращал на место все предметы своего гардероба, как оставлял на журнальном столике обручальное кольцо и ключи. А после покорно плелся за чрезвычайно довольной собой Астрид следом к машине. Только усевшись на пассажирское сидение старенького форда, он решился посмотреть на девушку, которая невозмутимо, повернув к себе зеркало заднего вида, приглаживала растрепавшуюся прическу.

- Тварь, - не удержался мужчина.

- Не пытайся переложить вину на чужие плечи, - пропела Астрид и беззаботно потянулась, разминая руки и шею, - теперь она в безопасности и худшее, что с ней может случиться – это разбитое сердце.

- Как же я тебя ненавижу.

- И это взаимно, милый, - девушка отправила Францу воздушный поцелуй.

Глава пятая.

Томаши наконец-то лежит в ее постели и это не сон, не предрассветная греза одинокой девушки. Он целует Астрид везде, куда может дотянуться. У них нет времени на прелюдии, но для обоих это впервые и это проявляется в невинной робости движений и прикосновений.

Скоро Йоханна закончит с водными процедурами и брат с сестрой должны будут вернуться в свое укрытие. Они и так слишком рискуют, спустившись в квартиру, но Астрид оправдывает это предприятие неким рациональным зерном. Еще немного и запах немых тел, постоянно находящихся под крышей, станет ощущаться и на верхнем этаже, а это может привлечь ненужное внимание. Да и ее бедное сердце слишком сжимается от того, в каких нечеловеческих условиях приходится существовать друзьям в последнее время. Это – меньшее, что она может для них сделать, кроме всего, что уже сделано. Астрид старается не думать о том, что каждый день их пребывания в квартире – маленькая капля горячего в грядущем пожаре, где им с отцом суждено погибнуть. Она не наивная девочка и знает, что у всего есть цена.

Даже у ее момента счастья и безусловной любви с Томашем. Боль и кровавые следы на постельном белье. Но это того стоит.

Томаши тяжело дышит и отстраняется, едва успевая вытащить член, чтобы пролить семя на повлажневшую от их движений ткань.

- Жаль, - говорит Астрид, опустив взгляд на место, где еще совсем недавно соединялись их тела, - я хотела бы ребенка.

- Глупая, - качает головой Томаши и нежно целует ее в ключицу, - сейчас самое неподходящее для этого время.

Тяжелая тишина наполняет пространство между ними, потому что оба знают, что и сейчас девушка куда менее импульсивна, чем кажется. Ее мысли о ребенке – жалкая попытка подарить самой себе хоть немного надежды. На то, что если все вскроется и брата с сестрой обнаружат, у нее останется хоть что-то на память о возлюбленном. На то, что ее, будь она беременной, может быть, все-таки пощадят, хотя в это верилось с трудом. И, конечно, вовсе не на то, что они выберутся из этого ада и создадут настоящую семью в далеком и прекрасном месте.

Когда Астрид думает об этом, ей хочется плакать, но она держит себя в руках. Сейчас она разнежена и почти счастлива. А отец воспитал ее тем человеком, который старается ценить то, что у него есть. И сегодня у нее были прекрасные мгновения близости с любовью всей ее жизни. В том, что это Томаши Астрид не сомневается. Отец тоже всю жизнь с самой юности любил одну женщину – ее мать. А Астрид слишком во многом старается быть на него похожей.

- Эй, Тома... - в комнату заглядывает Йоханна и, обнаружив обнаженных парня с девушкой в помятой кровати, ехидно ухмыляется, - простите, что помешала, но нам, вообще-то пора. Тут как бы... оккупация.

При всей вредности Йоханны, ей хватает чувства такта, чтобы сразу же убраться из комнаты и не продолжать осыпать новоявленных любовников колкими шуточками. Томаши нехотя выпускает Астрид из объятий и начинает одеваться. Девушка садится на постели и заматывается в одеяло, пальцами расчесывая растрепанные волосы. Румянец на впалых щеках делает ее более юной. Такой, какая она должна быть на самом деле. Какой она была бы, если бы не война и голод.

- Я слышала, что один мужчина в госпитале обсуждал возможность выбраться из города, - говорит Астрид, - но я не знаю можно ли ему доверять.

- А сама ты как думаешь? – интересуется Томаши.

- Похоже на ловушку, - честно признается девушка, - но... может быть мы должны попытаться? Вы не можете прятаться там вечно.

«Нас все равно всех убьют» - думает она, но не говорит. Как раз в этот момент из прихожей раздается писклявая трель звонка. Юноша и девушка испуганно переглядываются.

«Под кровать» - говорит Астрид одними губами. Потому что шаги Томаша на лестнице могут услышать.

Девушка быстро одевается и с бешено колотящимся сердцем идет в прихожую. Астрид бы подумала, что теперь, после того, как она узнала радости плотской любви, умирать не страшно, но это не так. Умирать все равно страшно.

- Кто там?

- Пани Райх, это я, - доносится из-за двери голос соседки пани Вуйчик, - можно?

Астрид приоткрывает дверь и пялится на соседку, стараясь придать своему лицу максимальную невозмутимость, хотя ее щеки до сих пор пунцовые, а волосы всклокочены.

- Извините, пани Вуйчик, - говорит Астрид, - я приболела и сегодня осталась дома. Зайдите вечером, когда придет отец. Я могу быть заразной.

- Заразной? – откликается испуганно пани Вуйчик и вроде как Астрид довольна произведенным эффектом, - серьезная инфекция?

- Нет, пани, все хорошо, - качает головой Астрид, - особых симптомов нет. Но лучше не рисковать, сами понимаете.

Вуйчик задумчиво жует губы и все-таки соглашается убраться. Астрид закрывает дверь, прижимается к ней спиной и тяжело дышит, стараясь успокоиться. Какого черта принесло эту склочную старуху? Вдруг она услышала голоса или шаги в их квартире? Но... тогда бы она спросила об этом? Или... Чего разнюхивала? Зря все-таки Астрид решилась выпустить брата с сестрой с чердака.

Томаш выходит из комнаты и пытается ободряюще улыбнуться Астрид, но девушке от этого не холодно, не жарко. Ее по-прежнему слегка колотит, словно у нее действительно лихорадка. Только Астрид не была бы дочерью своего отца, если бы не умела себя держать в руках.

- Все в порядке, - произносит она почти совершенно спокойным голосом, - вам пора возвращаться.

Силдж снова задремала в машине. Ее короткий, тревожный сон прервали приглушенные звуки голосов, доносящиеся с передних сидений. Женский и мужской.

Ее мозг уже готов был пуститься в тревожный пляс панической атаки, когда споткнулся о поразительное открытие: это не *его* голос. Не Франца. Не сумасшедшего, вломившегося в ее дом; мужской голос принадлежал всего лишь тому безобидному американскому туристу. И...

Все хорошо. Она едет в Осло, чтобы... чтобы... а дальше свой план Силдж продумать не потрудилась.

Вероятно, чтобы сесть на автобус и вернуться наконец-то в Хейбу. Сделать вид, что последних суток ее жизни попросту не было. Она будет вспоминать все это через полгода и поражаться тому, какой невероятный сон ей приснился. Существовала даже небольшая вероятность, что пожилая отшельница даже решится рассказать об этом кому-то из тесного круга своего окружения. Небольшая – не совсем подходящее слово. Близкая к нулю.

«Тебе нужно смотреть поменьше фильмов, старушка» - скажут ей друзья в таком случае. И будут совершенно правы.

Старушка... - зачем-то повторила про себя Силдж и посмотрела на свою руку, лежащую на складках теплой, безразмерной кофты – руку молодой девушки с гладкой, упругой кожей. Чужую руку.

Что-то здесь не складывалось, и от этого начинала болеть голова. Женщина подвинулась на середину сидения, чтобы увидеть свое отражение в зеркале заднего вида и тем самым привлечь внимание попутчиков.

- Как самочувствие? – поинтересовалась девица с пассажирского сидения. Вроде как она представилась Элен, если Силдж верно запомнила ее имя.

Силдж было не очень удобно разговаривать с ней, не видя лица, потому что в зеркале отражался только мужчина. Он был куда менее дружелюбным и угрюмо молчал, а его вниманием куда больше владела петлявшая впереди трасса, чем случайная попутчица.

- Хорошо, спасибо, - заторможено ответила Силдж, с трудом выуживая из памяти все познания в английском языке, - я задремала. Мы скоро приедем?

- Уже приехали, - вдруг вступил в разговор мужчина.

Автомобиль плавно съехал с трассы в лес, зашуршав колесами по гравийной дорожке.

Силдж недоуменно завертела головой, пытаясь уловить то, что, вероятнее всего, упустила.

Вроде как они собирались ехать в Осло, но, может быть, она что-то перепутала и туристы говорили об еще одной остановке в пути. Как раз в этом лесу. Это, должно быть, какой-то особо примечательный лес, занесенный в туристические справочники. Или дела обстояли куда проще, и кому-то из ее попутчиков захотелось по нужде.

Силдж Уре, скромная фермерша из затерянной в норвежской глуши деревушки, была наивна и верила в совпадения. Другая Силдж Уре, похищенная из дома неизвестным мужчиной – уже нет. И решение сесть в машину к незнакомцам в данную минуту казалось ей поступком крайне опрометчивым.

Тревожное предчувствие грохотало в груди звоном церковного колокола и становилось все сильнее.

Мужчина вышел из машины, а девушка осталась сидеть. Силдж зябко обняла себя за плечи, как ей казалось, незаметно, покрепче прижимая к груди пистолет, который на прощание дал ей Франц.

Как только дверца рядом с женщиной распахнулась, она инстинктивно зажмурилась, ожидая удара, но его не последовало. Ее всего лишь довольно грубо вытащили из машины и поволокли вглубь леса.

Силдж шла с закрытыми глазами, все еще мучительно зажмурившись, чудом не спотыкаясь о камни и корни деревьев. Мужчина так крепко держал ее за предплечье, что рука в этом месте начала слегка неметь, но вырваться женщина не решалась. Все волнения последнего дня вылились в состояние легкого ступора, которое теперь она была не в силах побороть.

- Зря ты ее трогаешь, - донесся до нее голос девицы, шедшей за ними, - босс предупреждал, что это опасно.

- Только не говори, что веришь в эти сказки, - огрызнулся мужчина, тащивший Силдж вперед.

- Сказки – не сказки, - упорствовала его спутница, прежде чем не соизволила вспомнить, что их попутчица вроде как тоже присутствует при этом разговоре, и обратилась напрямую к Силдж, - ну что, вампирша? Покажи на что способна.

- Я... э... - залепетала женщина и врезалась в тащившего ее мужчину, потому что он резко остановился и наконец-то отпустил ее предплечье.

- Это точно та баба? – засомневалась девица.

Силдж все-таки решила открыть глаза и пожалела об этом, потому что то, что она увидела, ей совсем не понравилось. Девушка, назвавшаяся Элен, держала в руках какое-то большое оружие, вероятно, автомат, и направлено оно было Силдж прямо в лицо. Едва ли это зрелище было приятным, особенно посреди глухого, безлюдного, пусть и крайне красивого леса.

- Она пудрит нам мозги, - сказал мужчина и сплюнул себе под ноги, - босс дал понять, что это очень хитрая тварь. Давай кончать с ней и убираться.

- Пожалуйста, - опомнилась от этих слов Силдж, - не надо. Вы меня с кем-то перепутали. Меня зовут Силдж Уре, я...

- Ну вот, началось представление, - закатила глаза девица, сдула с лица длинную светлую челку и указала автоматом на живот женщины, - а там у тебя что? Бросай.

Силдж задрожала всем телом и быстро швырнула на траву пистолет, который ей так и не пригодился, лишившись своего последнего шанса на спасение. Если, конечно, все ее попытки убедить незнакомцев в том, что они сильно ошибаются на ее счет, стоит учитывать за хоть какую-то возможность оправдаться.

- Я же говорил, - хмыкнул мужчина рядом с ней.

- Пожалуйста, - взмолилась Силдж, - это не мое. Мне дал его тот мужчина...

- А ты, значит, невинная овечка, - перебил ее очередной новый похититель, скривившись.

- Черт, - эмоционально выплонула девица с автоматом, - надо торопиться, пока этот ублюдок не явился.

Даже будучи крайне увлеченной одними только мыслями о выживании, Силдж не могла не заметить, как напряглась эта Элен, если, конечно, это ее настоящее имя. Девица тревожно оглядывалась по сторонам, словно в этой глуше мог быть кто-то помимо них. Заметив это, мужчина закатил глаза и сплюнул себе под ноги.

- У нас достаточно времени, - воззвал к здравому смыслу своей напарницы он, - проколотые шины его задержат, прежде чем он примчится за своей подружкой.

- Я не его... - принялась препираться Силдж, но получила ощутимый тычок под ребра и была вынуждена заткнуться.

- Просто грохни ее.

- Пожалуйста...

- Да это, блин, невыносимо! - не выдержала девица и даже на мгновение опустила дуло своего автомата, - не могу слушать эти причитания. Засунь ей что-нибудь в рот, чтобы заткнулась.

- Свой член, например? - расхохотался ее напарник, которого ситуация не нервировала, а, напротив, веселила. Он порылся в карманах и выудил оттуда неприглядного вида носовой платок не первой свежести. Один взгляд на этот предмет вызвал у Силдж рвотный рефлекс и при попытке мужчины засунуть его ей в рот, она рванула наутек, но оказалась обездвижена мощным телом преследователя.

- Ну что за беспокойная тварь, - заворчал мужчина, пытаясь скрутить вырывающуюся женщину. Силдж зарычала и укусила нападающего за руку, за что тут же получила ощутимый удар по лицу. В голове зазвенело, и ее рвение к сопротивлению уменьшилось почти до нуля. Неудачливая беглянка уткнулась лицом в мягкий ковер из мха и готова была уже смириться с любой своей участью, но ее рывком поставили на ноги.

- Будешь молчать? - спросил американец, за шкирку, как нашкодившую кошку, таща свою жертву поближе к девице с автоматом. Силдж угрюмо кивнула. Но...

«Будешь молчать?» - почему-то прозвучал в ее голове чужой голос. Она растерянно закрутила головой, но кроме их злосчастной троицы в лесу не было никого больше.

«Скоро все закончится».

«Потерпи».

Запастясь заныли от фантомной боли, хотя сейчас никто женщину за них не держал. Картинка перед глазами мигнула и поплыла, но через мгновение снова обрела свою четкость. Она услышала смех нескольких мужчин. Но вокруг по-прежнему был лес.

«Славная маленькая крошка»

«Так будет лучше»

«Потерпи»

Силдж мотнула головой, стараясь прогнать навязчивые голоса, но они словно въелись ей в подкорку. От этого смеха захотелось съежиться до размеров черной дыры и перестать существовать.

Он сказал: *«Ты сильная девочка»*.

Кто он?

- Что это с ней? – спросила девица с автоматом, встревожено выглядывая из-за плеча мужчины. Тот поджал губы так сильно, что они побелели, и попытался придать Силдж вертикальное положение, хотя ее тело, против воли, кренилось в бок, стремясь неминуемо столкнуться с землей и мягкой подушкой из лесной растительности.

- Давай заканчивать с этим, - рассудил мужчина и хотел выпустить свою жертву, но Силдж вцепилась в его руки на своих плечах мертвой хваткой.

«Скоро все закончится»

«Потерпи».

«Будешь молчать?»

Нет – мысленно ответила Силдж и заорала во всю глотку, так, что от ее пронзительного крика по всему лесу разлетелось оглушительное эхо, и с деревьев с шорохом вспорхнула стайка перепуганных птиц. Женщина все сильнее сжимала пальцы на руках своего мучителя, пока его тело вдруг не стало податливым и мягким. Мужчина начал заваливаться на нее, но она с легкостью удержала его, словно он ничего не весил.

- Черт, - взвизгнула девица и открыла огонь из автомата, но Силдж прикрылась ее бывшим напарником как щитом, медленно сокращая расстояние между ними. Элен попятилась, опуская ставший бесполезным автомат, и тогда Силдж бросила мужчину, позволив ему безвольно осесть на землю. Она быстро подняла валявшийся рядом с ее ногами пистолет и выстрелила своей похитительнице промеж глаз с невероятной для себя меткостью.

«Потерпи».

Силдж сделала пару неуверенных шагов вперед и облокотилась спиной о толстый ствол могучей сосны. Все перед глазами плыло, а пальцы слегка покалывало. Она с отвращением отбросила пистолет и спрятала лицо в ладонях.

Что только что произошло?

Она... убила их?

Силдж медленно сползла по дереву вниз, сдирая мелкие частички коры колючей тканью шерстяной кофты. Ее начинала бить истерика, адреналин в крови зашкаливал, а мозг не способен был переварить всю полученную информацию.

Она не знала, сколько времени просидела так, рядом с двумя трупами незнакомцев, обнимая руками свои колени и пытаясь восстановить сбившееся дыхание. Женщина тщетно предпринимая все новые и новые попытки уложить произошедшее у себя в голове и дать ему хоть какое-то логическое объяснение. Конечно, она была так увлечена, что не услышала шагов, почти полностью заглушенных мягкостью мха.

- Ну и ну, - донесся до женщины знакомый голос, и она вынуждена была оторваться от своего увлекательного занятия, чтобы поднять взгляд на Франца, - ты радикально разобралась с проблемой, - ее прежний похититель присвистнул.

- Что... я... как... - сбивчиво зашептала Силдж и заплакала сильнее, - я их убила...

Франц присел рядом с ней на корточки и заботливо погладил женщину по вздрагивающим от рыданий плечам.

- Ну... тише, - ласково сказал он, - это были плохие люди.

- Но... я... - сквозь слезы продолжала бормотать Силдж, - я... не хотела... пожалуйста... верни меня домой...

- Нельзя, крошка, - почти с искренним сочувствием в голосе вздохнул мужчина, - придут другие.

- Почему?

Франц как-то беззаботно пожал плечами и принялся осматривать мертвые тела ее недавних похитителей. У мужчины он не без отвращения выудил из кармана брюк ключи от машины, а у девицы сложенную вчетверо фотографию, которую некоторое время рассматривал с любопытством, прежде чем протянуть Силдж.

Силдж недоверчиво поднесла снимок к глазам и даже на мгновение перестала плакать. С крошечного квадрата полароидного снимка на нее смотрело ее собственное лицо.

Ее ли? Она выглядела иначе – высветленные волосы чуть длиннее плеч, кожаная куртка и холодная, незнакомая улыбка. За спиной девушки на фотографии был красивый готический собор, который Силдж, конечно же, не узнала, потому что не видела никогда в жизни. Повертев снимок в пальцах, женщина заметила подпись, сделанную аккуратным ровным почерком.

«Силдж Уре. Хейбу, Норвегия». И два ровных столбика цифр, смутно напоминающих координаты геолокации.

- Это... – любопытство оказалось сильнее ужаса, и теперь Силдж хотела услышать ответы хотя бы на часть своих вопросов, чтобы отвлечься от мыслей о том, что натворила, - я?

Франц криво ухмыльнулся.

- Нет, черт возьми, наша дочь, - буднично заявил он, внимательно оценивая реакцию своей собеседницы. Заметив полнейшее смятение на ее лице, он сжалился и сказал, - да, это ты.

Силдж задумчиво кивнула, продолжая держать снимок в пальцах. Слово прикосновение к этому предмету могло вернуть ей недостающий фрагмент пазла и разогнать вязкий туман амнезии в ее голове.

Но чуда не происходило. Девушка на фото продолжала казаться самозванкой, присвоившей ее внешность. Или... это Силдж была самозванкой?

- Мы старались не попадаться в объективы камер, - проговорил Франц, также не отрывая взгляда от фотографии, - но в тот день решили пренебречь этим правилом. Это был слишком хороший момент. Я сам сделал этот снимок на твою чертову старомодную камеру. Прага, двести тысяч седьмой... О чем ты, конечно же, не помнишь. Или...

Он снова присел на корточки перед женщиной и аккуратно взял ее пальцами за подбородок, вынуждая посмотреть в свои пепельные глаза, впитавшие в себя частицу зелени окружавшего их леса. Сейчас они почему-то казались светлее, чем раньше. И смотрели на женщину с почти физически ощутимыми нежностью и тоской.

- Астрид, - имя вырвалось у мужчины изо рта обрывком выдоха, короткое и звонкое. И чужое. Хотя именно в это мгновение Силдж отчаянно захотелось все вспомнить или хотя бы поверить во все странные истории этого человека. Но... она не могла. Не была готова.

Момент был упущен. Франц тяжело вздохнул и отстранился.

- Ладно, - Силдж аккуратно поднялась, придерживаясь за дерево рядом с собой, и обвела рукой разбросанные вокруг трупы, - вы сказали правду и за мной действительно охотятся. Но...

Франц невесело усмехнулся и запустил себе руку в волосы, ероша их. Она и не успела заметить, как за эту долю секунды его настроение изменилось на совершенно противоположное. На смену тихой печали пришло жгучее раздражение, красноречиво проступившее в чертах мужчины.

- Всегда есть «но», - глухо проговорил он, забирая фотографию у женщины из рук и торопливо пряча в карман своей куртки, - всегда, черт возьми, с тобой есть проклятое «но». Ты даже теперь не можешь мне поверить.

Силдж нахмурилась. Она успела уже достаточно успокоиться, чтобы начать заводиться по-новой, только теперь ее начинало трясти не от ужаса содеянного, а от злости.

- Вы похищаете меня из дома, - тихо и вкрадчиво заговорила она, - среди ночи. Позволяете себе всякие непотребства, несете полнейшую чушь, вместо того, чтобы все нормально объяснить и требуете, чтобы я вам поверила?

- Непотребства? – брови мужчины взметнулись вверх, и по его лицу не понятно было рассмеется он сейчас или начнет бросаться оскорблениями, - это ты про тот поцелуй?

- Да, и все эти намеки, - Силдж скривилась и все-таки решилась пойти в наступление, - я не знаю какие отношения нас связывали до того. Но я потеряла память и вы не имеете никакого права пользоваться этим...

- Показать тебе какие отношения нас связывали до того?

Силдж быстро пожалела о сказанном и своей самоубийственной браваре.

Она стала отступать, но уперлась спиной в ствол дерева, прежде служивший ей поддержкой, а теперь так некстати оказавшийся на пути. Франц приблизился неспешной походкой хищника и обвил талию женщины руками. Силдж завозилась, пытаясь вырваться из захвата, но преимущество в силах было не на ее стороне, да и недавние переживания сильно истощили ее ресурсы. Оставалось только сжаться в комочек и трястись от ужаса перед неминуемым.

Чем?

«Потерпи»

Удастся ли и с ним провернуть тот странный фокус?

- Пожалуйста, - взмолилась женщина, - не надо.

Страх сковал ее от макушки до кончиков пальцев на ногах, но при этом, вроде как, возмутительное вторжение в ее личное пространство, дарило скорее покой и казалось на удивление естественным. Силдж не была в состоянии успокоить диссонанс между своим мозгом и телом и остановилась на том варианте, который казался ей меньшим из зол. Этим вариантом была беспомощная дрожь жертвы перед крупным хищником. И, вероятно, Франц почувствовал это, поэтому сжалился и отстранился.

«Так будет лучше».

- Ох, прекрати, Астрид, - мужчина закатил глаза и теперь выглядел почти что обиженным, - не собираюсь я тебя насиловать.

- Что... я...

- Да я по глазам вижу о чем ты думаешь, - мужчина презрительно фыркнул и отошел от женщины на безопасное расстояние, - я не такое чудовище, как тебе кажется.

«Скоро все закончится».

Силдж тряхнула головой, прогоняя эти навязчивые голоса, все еще упрямо повторяющие одни и те же фразы, словно заевший магнитофон. Слова, которые она никогда прежде не слышала или о которых не хотела помнить.

- Пойдем, - с тяжелым вздохом сказал первый из ее похитителей. И направился в сторону машины, - тебе еще немного придется потерпеть мое общество.

- Сколько?

- Пока я не найду безопасное место и новые документы.

Силдж энергично покивала, хотя знала, что Франц не увидел этого жеста и, перебираясь через трупы, корни деревьев и пеньки, последовала за ним, потому что другого выбора у нее не было. Достаточно было, что он слышит шорох ее шагов за своей спиной.

Ей мучительно хотелось снова заговорить, но она не решалась, хотя у нее и осталось неприятное послевкусие от их разговора. Словно она нанесла этому человеку сильную обиду.

Человеку, который, вроде как, хотел ей добра. По крайней мере, очевидно, не пытался держать ее под прицелом, хотя и имел такую возможность, что делало его в сложившейся ситуации меньшим из зол.

Глава шестая.

Герберт редко напрямую сотрудничал с полицией, хотя и был там на хорошем счету. На памяти Франца старый ученый предпочитал лабораторную работу полевой и практически не выбирался в качестве судебного медика на место преступления, но это дело стало исключением из всех его правил.

Пользуясь своим влиянием и отличной репутацией в ученых кругах, старик, конечно же, прихватил с собой и Франца в качестве помощника, хотя после возвращения с фронта тот так и не удосужился окончить свое медицинское образование. Свое, впрочем, только условно. Оно было – Герберта и исключительно для него. Потому что пожилому немцу нужен был осведомленный помощник, а Франц в принципе в тот момент так и не решил чем хотел бы заниматься. Ему нравилась лингвистика и с легкостью давались разные иностранные языки, что Герберт объяснял тем обстоятельством, что его воспитанник рос билингвистом. Все-таки родным для него был итальянский, который он с годами начинал уже забывать, а немецкий он начал изучать и активно использовать в крайне юном возрасте. Этот талант Нойманн находил полезным, но куда менее подходящим для их дела, чем, например химия или прикладная медицина. Одно только упоминание о корнях воспитанника заставляло рот старика неприятно кривиться.

Он всегда говорил – оставь прошлое в прошлом.

Поэтому теперь вместе с ним Франц без особого энтузиазма осматривал место преступления и делал записи в толстом, потрепанном блокноте, пока Герберт наворачивал круги вокруг трупа.

Еще одно тело без следов насильственной смерти. Никаких выпученных глаз, сломанных в предсмертной агонии ногтей или посиневшего языка. Словно сердце несчастного просто перестало биться без каких-либо на то видимых причин.

Только несколько седых прядей в волосах.

- Более подробно я смогу дать оценку после вскрытия, - отчитался Нойманн полицейскому инспектору, присутствовавшему на месте преступления, - но я думаю, что мы имеем дело с действием того же отравляющего вещества.

Этой версии пожилой ученый придерживался во всех официальных разговорах со своими товарищами из полиции и другими судебными медиками. Версии, для которой он даже не потрудился синтезировать неплохой, крайне незаметный яд, который мог отвлечь внимание этих ищек от истинной причины смерти несчастных.

Причины, которая, вероятнее всего, имеет голос нежный, словно пение сирен посреди туманного моря и носит блестящее платье из серебристой ткани. Причины, о которой Франц незаметно для себя стал думать слишком много, куда больше, чем требовалось для следствия.

От цепкого внимания Герберта и его ученика, конечно же, не укрылись початая бутылка приличного вина и пара пустых бокалов на прикроватном столике. Момент гибели этой жертвы разделит кто-то, с кем приятно было также разделить и романтический ужин. Женщина.

Та самая женщина.

Франц думал о ней, чтобы отвлечься от крайне неприятного процесса вскрытия, которое также Нойманн взялся провести самостоятельно. Конечно, в обществе своего неизменного помощника, которого всюду таскал за собой к большому неодобрению многих сотрудников полицейского управления. Но Герберта слишком уважали, чтобы спорить с ним.

Францу не нравилось смотреть на трупы и куда меньше нравилось изучать их внутренности. На фронте он вдоволь навидался выпущенных наружу кишок и прочих органов, и едва ли горел желанием наслаждаться этой картиной каждый день. Но Нойманн взял его с собой с каким-то мстительным удовольствием, чтобышний раз напомнить, что его воспитанник

сам в свое время выбрал этот путь и отправился медиком на передовую, вместо того, чтобы закончить учебу в университете и спокойно отсидеться в тылу.

Когда они остались одни в прохладном, подвальном помещении морга, Герберт наконец-то решился заговорить.

- Как продвигается расследование? – пожилой немец отложил в сторону скальпель и стянул с рук окровавленные перчатки. За непродолжительный отрезок времени он успел уже получить подтверждения для всех своих предположений и быстро потерял интерес к мертвому телу на металлическом столе.

- Медленно, - буркнул Франц, не поднимая взгляда от отчета, который заполнял. Он знал, что сейчас опекун буравит его взглядом, не менее острым, чем скальпель, которым он орудовал пол часа назад, стараясь вскрыть уже не ткани человеческого тела, а потаенные уголки души своего воспитанника.

- Ммм?

- Я проверил нескольких подозреваемых, но они... - мужчина остановился, чтобы не наделать ошибок в тексте и украдкой глянул в сторону Герберта, - не те, кого мы ищем.

- Совсем никого интересного? – продолжил напирать Нойманн, и от его прессинга Францу неминуемо захотелось пойти в оборону. Он злился. Но не на старика и его проницательность, а на себя за каждый вечер в кабаре «Зеленый фонарь».

- Есть одна девушка, - нехотя выдал он.

- Отлично, - просиял пожилой ученый, - ведь мы с вероятностью в восемьдесят пять процентов ищем именно женщину. Женщину с крайне четким мотивом.

- Она скрывает свою настоящую личность, - поделился Франц и тут же пожалел об этом, словно только что выдал чужой секрет, доверенный ему добровольно, а не выторгованный у другого сыщика.

Это не укрылось от пристального взгляда Нойманна под которым мужчина начинал чувствовать себя крайне неудобно. Как нашкодивший ребенок о шалости которого стало известно строгому родителю.

- Будь осторожен, - предостерег его старик, постукивая длинными пальцами по краю металлического стола, - не спугни ее. Ты же понимаешь, что она нужна нам живой?

Франц кивнул без особого восторга и невольно посмотрел на распластанного перед ними мертвого человека со вскрытой грудной клеткой. Он совершенно не хотел об этом думать, но в голову полезли мерзкие, неудобные мысли и образы.

Как Нойманн с удовольствием также распнет на своих лабораторных столах полученный в руки ценный экземпляр, чтобы изучать его всеми возможными методами, лишь бы только докопаться до желанного секрета бессмертия их вида. Ведь с этим новым полученным образцом его не будут связывать сентиментальные чувства, как с названным сыном, с которым он временами был не менее жесток, разумеется, исключительно в научных целях. Что станет с этой прекрасной бабочкой, когда ее насадят на булавку и станут разглядывать под лупой?

Хотел ли он такой судьбы для Фройляйн Леманн?

Был ли у Франца выбор?

Из-за всех этих поганных мыслей он чудовищно напился тем же вечером в «Зеленом фонаре», куда ноги уже сами несли мужчину с наступлением темноты. Дрейфуя на волнах нежного, чарующего голоса, Франц опрокидывал в себя стопки шпанса одну за другой, безнадежно сбившись со счета.

Ближе к окончанию выступления в мутном мареве кабака перед ним образовалась гладко выбритая физиономия рыжеволосого детектива. Вильгельм Ланге окинул деловитым взглядом количество пустой посуды перед своим товарищем и самодовольно хмыкнул.

- Мне крайне любопытно на какой службе позволительно пить при исполнении, - нудно протянул рыжий.

- На секретной, - буркнул Франц, которого присутствие этого человека нервировало и в куда более трезвом состоянии.

- Тогда вам, должно быть, известно, что у нас новое тело, - продолжил наступать Ланге. Тело. Не жертва. Для этого рыжего прохвоста нет особенной разницы, о чем он совершенно не стеснялся сообщить. Впрочем, Франца то тоже не особенно должна была волновать эта терминология.

- Известно.

Вильгельм перевел взгляд блеклых голубых глаз на сцену и нехорошо ухмыльнулся. Франц это заметил даже сквозь пелену алкогольного опьянения и невольно напрягся.

Леманн как раз завершила очередную композицию и театрально кланялась публике, купаясь в свете софитов и сиянии своей серебристой брони. Или чешуи.

- Допелась птичка, - ехидно сказал рыжий детектив, продолжая смотреть в сторону певицы, - вчера ее видели уходящей вместе с погибшим.

Нет-нет-нет.

Идиотка.

Неосторожная, глупая дура.

Что ты наделала?

Франц изо всех сил сосредоточился, стараясь придать своему перекошенному от этих новостей лицу куда более невозмутимый вид. И успел сделать это как раз к тому моменту, как детектив обернулся в его сторону.

Шестеренки у Франца в мозгу мучительно заскрипели и, прежде, чем он успел навести хоть какой-то порядок в мыслях и придумать вменяемый ответ, он выдал:

- Не хочется вас расстраивать, гер Ланге, но эту ночь Леманн провела со мной.

- Надо же? – рыжий детектив был действительно ошарашен и не удержался от шпильки в адрес собеседника, - а мне казалось, что она отвергала все ваши ухаживания.

- Набивала себе цену, - как мог беззаботно проговорил он и подозвал официанта, чтобы заказать себе еще добавки, - а я, как видите, пока жив.

- Странно, - протянул Вильгельм, слегка склонив голову на бок и что-то прикидывая в уме. Вероятно, не будь Франц так безбожно пьян, он бы обратил внимание на цепкий, недоверчивый взгляд своего соседа по столу, но его куда больше увлекала новая рюмка шнапса на столе.

- И вы готовы дать показания?

Черт.

Она не достанется Нойманну, если ее арестуют, сгноят в полицейских застенках или расстреляют. Так Франц сказал себе, чтобы оправдаться перед собственной совестью. Потому что был не самый подходящий момент для того, чтобы даже мысленно признаться в том, что и отдать ее чокнутому ученому ему совершенно не хотелось.

Она слишком хрупкая и красивая. Сияющая своим серебром. Сладкоголосая. Убийца она или нет. Вампириша или обычный человек, случайно оказавшийся втянутым в это.

- Конечно, - ответил после затянувшейся паузы Франц и поспешил ретироваться, - извините.

Только поднявшись с места, он в полной мере ощутил масштабы катастрофы и количество употребленного алкоголя: удерживать вертикальное положение в пространстве оказалось той еще задачей. Но откладывать этот разговор мужчина был не намерен, поэтому с трудом балансируя на ватных ногах, врезаясь в людей и стены по пути, он отправился к гримерным и забарабанил в комнату с криво написанной фамилией Леманн.

- Да? - донесся нежный голос из-за двери, и Франц вломился внутрь, не дождавшись приглашения. Певица при виде него встала с потрепанного кресла и нахмурилась. Она еще не успела снять свое шикарное платье, и теперь теплый свет ламп отражался на ее одежде, словно блики солнца в воде ясным летним днем.

- Я вас сюда не звала, - с ленцой в голосе протянула девушка, - что вам нужно?

Франц вошел в тесное помещение и закрыл за собой дверь изнутри, остерегаясь, что кто-то может вломиться посреди разговора не предназначенного для посторонних ушей. От него знатно несло алкоголем и в замкнутом пространстве это обстоятельство стало особенно очевидным, но едва ли это было то, о чем сейчас беспокоился мужчина. Леманн же брезгливо сморщила носик, но быстро взяла себя в руки и надела на лицо маску холодной вежливости.

- Фройляйн... Рената, если позволите, - сбивчиво начал мужчина, стараясь не думать о том, что скорее всего, это совсем не ее имя, хотя и называть ее Катариной, вероятно, было бы ошибочно, - выслушайте меня, пожалуйста, это важно.

- Вы пьяны, - без особого восторга констатировала певица и скорее спросила, чем пригрозила, - мне позвать охрану?

- Нет... постойте... минуту, - Франц уперся руками в колени, изо всех сил стараясь совладать с собой и заставить проклятую комнату перестать кружиться вокруг них. Скорее всего, он выглядел крайне жалко в это мгновение, потому что даже эта холодная женщина сжалилась и сменила гнев на милость. Она присела обратно в кресло и закурила, терпеливо дожидаясь, пока ее незваный гость соберется с силами и перейдет к сути разговора, ради которого он потревожил ее покой.

- Я не враг вам, - с трудом смог подобрать подходящие слова Франц, тщательно взвешивая их на языке, чтобы не выдать ненароком чего-нибудь лишнего или непозволительного, - за вами охотятся. Вам нужно уехать из Берлина в безопасное место. Я могу вам помочь...

- А что еще мне нужно сделать, гер Нойманн? - одернула мужчину Леманн, совершенно не впечатленная его пусть и искренней, но крайне сбивчивой и сумбурной речью, - я не нуждаюсь в ваших советах.

Франц готов был бессильно зарычать из-за ее проклятого упорства, но с трудом сдержался. Вместо этого он сократил разделяющее их расстояние и плюхнулся перед девушкой на колени. Поза была унижительной, но и в ней был определенный плюс – так легче было удерживать себя в равновесии и половицы паркета перестали коварно уплывать из-под ног. Впрочем, холодное сердце Леманн – не зря она выбрала себе именно такой псевдоним – осталось равнодушным к такому широкому жесту. Когда мужчина попытался ухватить девушку за локоть, она брезгливо отодвинулась от него в сторону и осуждающе покачала головой.

Теперь Франц думал о том, что за все время, прошедшее с момента их знакомства, между ним и певицей не состоялось ни малейшего, даже случайного тактильного контакта. Словно она была бесплотным духом, который от человеческого прикосновения растаял бы в дымном полумраке помещения и вернулся бы обратно в царство теней. Или настоящей сиреной, с неведомыми целями поселившейся вдали от моря и остерегающейся быть рассекреченной – ведь ее молочная кожа на самом деле покрыта чешуей.

Или другим энергетическим вампиром, которому прекрасно известно на собственном опыте, что одного короткого взаимодействия с человеком достаточно для того, чтобы выпить его жизнь до капли. Пока мужчина пытался вспомнить доводилось ли ему наблюдать как Леманн дотрагивается до кого-нибудь в кабаре случайно и намеренно, чтобы получить подтверждение своим догадкам, ледяная статуя перед ним отмерла, вероятно, в свою очередь, дошедшая до каких-то своих выводов.

Девушка робко коснулась кончиками пальцев волос Франца, аккуратно расправив несколько спутавшихся прядей. Как будто она была настолько идеальным созданием, что

малейшее несовершенство человека перед ней доставляло ей дискомфорт и она стремилась его исправить.

- У вас красивые волосы, гер Нойманн, - задумчиво проговорила певица, слегка склонив голову на бок и продолжая свое неблагодарное занятие, ведь непокорные кудри Франца все равно быстро вернуться в прежний беспорядок, - странно, что вас за них еще не отправили в концлагерь.

- Фюрер тоже не блондин, - мрачно усмехнулся в ответ Франц, тут же пожалев о своих словах. Мгновение этой нежности было таким хрупким и мимолетным, что любое неосторожное движение или высказывание могло разрушить его в прах. Тем более разговоры о политике с женщиной, которая, возможно, убивала сторонников режима.

Леманн хмыкнула, но руку не убрала.

- Вы меня, конечно, извините, - сказала она, - но вы слишком похожи на тех, кого все ненавидят, - и за одну только эту мягкую, деликатную формулировку, Франц захотелось поймав ее тонкие пальцы и расцеловать.

Она явно не из этого мира.

- Я итальянец, - нехотя признался он, изо всех сил сдерживая свои порывы, - Италия – наш союзник.

- Надо же, - Леманн кивнула каким-то своим мыслям и слегка улыбнулась, - вы слишком хорошо и чисто говорите по-немецки.

- Я живу здесь... - Франц вдруг запнулся, потому что чуть не выдал информацию, которую никому не стоило слышать и знать. Кроме Герберта. Потому что пожилой немец был слишком глубоко посвящен в эту историю и уже ничему не удивлялся. А случайного человека некоторые подробности могли здорово напугать и убедить в полной недееспособности мужчины. – С пяти лет, - с трудом выдавил из себя он, после затянувшейся паузы.

С тысяча девятьсот пятого года. За тридцать семь лет у него было достаточно времени, чтобы отточить свой немецкий до совершенства, а произношение выдрессировать до чистоты любого коренного жителя этой страны. Франц постиг такие тонкости языка, что способен был с легкостью различать диалекты в речи встреченных людей. У Леманн, например, в манере говорить присутствовала южная мягкость, но не такая, как у жителей Баварии. Ее слегка свистящие шипящие выдавали в ней причастность к славянским народам. Возможно...

Это был самый неподходящий момент для осознания, пронзившего Франца подобно удару тока, так остро, что он даже слегка протрезвел. И даже стоя на коленях, чуть не потерял равновесие.

Она полячка.

Вот и мотив для мести.

Леманн не заметила перемены, произошедшей в мужчине. Она продолжала задумчиво гладить и распутывать его волосы, уставившись остекленелым, меланхоличным взглядом куда-то поверх плеча Франца, словно вошла в какой-то транс, тихонько напевая себе что-то под нос, почти неразличимо.

- Рената?

Девушка, должно быть, не сразу вспомнила, что должна откликаться на это имя, поэтому еще какое-то время провела в оцепенении, прежде чем перевела на Франца влажно блестящие глаза. Сложно было понять - собиралась ли она плакать или тусклое освещение в гримерке создало иллюзию этого.

- Вы сменили гнев на милость? – со слабой улыбкой поинтересовался мужчина, почувствовав острую необходимость пробудить в ней прежнюю, яростную натуру, лишь бы не видеть этой неудобной уязвимости. У него были большие проблемы с тем, чтобы утешать нуждающихся в том людей. Тем более сейчас, когда из-за алкогольного опьянения, возникли серьезные трудности с формулированием собственных мыслей.

Его жалкая попытка действительно увенчалась успехом и Леманн очнулась. Она резко отдернула руку и расправила плечи, возвращая себе прежний, отстраненный и самоуверенный вид. Судя по тому, как она сильно сжала губы в тонкую линию, она сердилась на саму себя за мгновение слабости перед посторонним человеком. Чтобы отвлечься, девушка принялась поправлять и без того идеально лежащие волны прически.

- Я растрогалась от удовольствия, - заявила певица, вздернув подбородок, - что поставила вас на колени после всех оскорблений, что вы себе позволяли в наши прошлые встречи.

- А, вот значит как, - потянул Франц, - и теперь я прощен?

- Я так и не услышала извинений, - беззаботно пожала плечами девушка и закурила еще одну сигарету, красивым, царственным жестом. Она теперь определенно чувствовала себя хозяйкой положения и наслаждалась этим, вернув себе контроль над ситуацией. И над мужчиной, по-прежнему сидевшим у ее туфель, хотя его самочувствие уже заметно улучшилось и позволяло ему снова встать на ноги, не заваливаясь в сторону.

- Вам нравится, когда перед вами стоят на коленях? – перешел в наступление Франц и его затуманенный алкоголем мозг с готовностью поддержал идею проверки границ дозволенного. Он легко коснулся пальцами щиколотки певицы и прочертил почти невесомую линию вверх.

Леманн сделала вид, что ничего не произошло.

- Грубияны? Да, - ответила она на вопрос.

- То есть вы из тех фройляйн, которые любят, когда их называют «моя госпожа»? – продолжал мужчина, пока его рука преодолевала расстояние до колена, отодвигая в сторону мягкую и прохладную наощупь серебристую ткань подола. Не встретив никаких возражений, он коснулся внутренней стороны бедра девушки и по ее телу пробежали мурашки. Впрочем, лицо певицы оставалось по-прежнему невозмутимым и абсолютно нечитаемым.

- Помилуйте, нет, - нервно рассмеялась она, но останавливать Франца не спешила, - я просто хочу уважительного отношения к себе.

- Ммм?

Мужчина коснулся губами нежной кожи рядом с острой коленкой, внимательно вглядываясь со своей позиции собеседнице в глаза. Леманн храбрилась и ее волнение выдавало только сбившееся, частое дыхание.

- Если вы позволите, прекрасная фройляйн, - прошептал Франц, обжигая ногу девушки дыханием, - я могу попросить у вас прощения по-своему.

- Я... - девушка сглотнула ком, но не нашла, что ответить. Она слабо кивнула и, словно даруя благословение на все дальнейшие действия, положила кисть на голову мужчины, снова робко поглаживая его волосы.

Этот жест окончательно выбил остатки здравомыслия из головы Франца. Он легко избавил девушку от серебряного, под тон платью, белья и за бедра пододвинул ее ближе к краю кресла, разводя шире ее худенькие коленки, чтобы поудобнее устроиться между них.

Она оказалась влажной, горячей и терпкой на вкус. И все такой же сдержанной, потому что Леманн тут же прикусила кулак, не позволяя стонам вырываться изо рта. Можно было предположить, что особа, работающая в кабаре, будет раскрепощенной и смелой в любовных делах, но девушка словно стеснялась собственных проявлений страсти. Она позволила себе лишь сильнее сжать кудри Франца в кулаке, при этом отчаянно стараясь не издать ни звука. Как будто кто-то мог услышать их за гомоном пропоец в зале. Как будто кому-то вообще было дело до того, чем тут занимается фройляйн Леманн и с кем. Впрочем, вопреки всем трудам Рената, влажные хлюпающие звуки и тяжелое дыхание были вполне красноречивыми.

Кончая, она прокусила собственную руку до крови и чудом не выдрала Францу клочок волос. Колени девушки затряслись так сильно, что даже будучи изрядно пьяным, мужчина испугался, что у нее случится приступ эпилепсии или какой-нибудь припадок контузии. Она соскользнула с кресла и оказалась на полу рядом с ним, отчаянно цепляясь Франца за плечи,

словно теперь и у нее пол уходил из-под ног и ей срочно понадобилась какая-то опора среди этой круговерти.

На щеках Леманн были слезы. Она прижалась лбом ко лбу Франца и закрыла глаза, тяжело дыша.

- Ты... в порядке? – хрипло спросил он, продолжая чувствовать на губах и языке вкус девушки.

- Да... да... - певица даже не возмутилась по поводу более фамильярного обращения, куда более уместного после того, что между ними только что произошло, и очень тихо и смущенно добавила, - у меня так не было раньше.

- Только не говори, что ты девственница, - усмехнулся Франц и коротко поцеловал девушку в нос, пользуясь ее растерянностью, - это ужасно.

- Нет, но...

Леманн резко отстранилась от него и отползла в сторону. Она сжала колени и обняла их руками, уткнувшись в них лицом.

- Просто... - она вдруг всхлинула, но судя по резкой смене эмоций на ее лице, тут же взяла себя в руки и сказала очень сухо, словно зачитывая научный факт из учебника или газетную хронику, - мужчины только пользовались мной. Никого не интересовало, что я чувствую. Чтобы я получила удовольствие. Кроме одного, но...

- Мне начинать ревновать?

- Он умер, - певица беззаботно махнула рукой, словно говорила о чем-то простом и житейском вроде похода к дантисту или в рыбную лавку, - это уже не важно.

Франц с трудом удержал вздох облегчения, вспомнив, что беззаботный тон этой девушки обманчив. Просто она слишком хорошо держит под контролем все свои эмоции. Как и сам он... В этом они были чертовски похожи. И это делало ее еще более идеальной в его глазах, тем более после того, как феерически она кончила от его языка. Сколько всего он еще мог с ней сделать, открывая ей заново мир простых, но приятных плотских удовольствий. Какие перед ними были заманчивые перспективы!

Нет, никаких перспектив.

Он должен был уговорить ее уехать, а не трахнуть. Хотя бы попытаться проверить вампирша ли она.

Черт.

Францу захотелось врезать самому себе по лицу за то, что он позволил себе дать слабину и пустил под откос свой план. Следом за планом Нойманна, грезящего получить новый экземпляр в свою коллекцию. А еще вляпался с этим рыжим индюком, в наивной попытке прибрать бардак, устроенный этой сладкоголосой птишкой.

- Тебе лучше уйти, - оторвала его от этих невеселых размышлений Леманн. Она резко поднялась с пола, и, совершенно не смущаясь присутствия Франца, стянула с себя платье и направилась к вешалке в углу, позволив мужчине полюбоваться своей точеной фигуркой в одних только тонких чулках. Искушение прижать ее к двери или гримерному столику и как следует поиметь было слишком велико, тем более член еще после их маленьких шалостей стоял колом, требуя к себе внимания. Франц стиснул зубы, проклиная физиологию и заодно то, как на него влияла эта девушка.

Леманн тем временем напялила на себя довольно скромную комбинацию и простое, некашкетное платье в мелкий цветок. Она принялась смывать косметику, продолжая напрочь игнорировать присутствие мужчины.

- Мы можем продолжить, - зачем-то сказал он, проклиная себя за это. Певица слегка покачала головой и выдернула шпильки, удерживавшие прическу в таком безупречном порядке.

- Нет, - возразила она и тяжело вздохнула, - не можем. Это не должно повториться. И этого не должно было быть...

- Почему? – обескуражено спросил Франц, хотя у него самого был целый перечень возможных ответов на этот вопрос.

Потому что, скорее всего, она польская диверсантка и едва ли обрадуется, обнаружив в его шкафу форму СС и военные ордена.

Потому что она вполне может быть другим вампиром.

Потому что Герберт мечтает препарировать ее как лабораторную зверушку, чтобы получить наконец-то лекарство для себя и возможный секрет бессмертия и вечной молодости для всего человечества.

Потому что за ней охотятся рыжий засранец и все полицейское управление Берлина.

Потому что ей опасно здесь оставаться.

Потому что Францу не нужны привязанности. А он уже почти к ней привязался, иначе не приходил бы каждый вечер в «Зеленый фонарь».

Нет, это же всего лишь секс с красивой девушкой. Красивой настолько, что сводит зубы. Он всегда просто относился к таким вещам. Так его воспитал Герберт, не имевший за собой привычки чрезмерно усложнять человеческие отношения.

Секс – это всего лишь физиологическая потребность, которая есть и у мужчин и у женщин, в равной или неравной степени. Вступая в интимную близость, они заключают между собой взаимовыгодное соглашение, в результате которого каждый получает то, на что рассчитывал. Франц всегда успешно двигался этим путем и прекрасно обходился без драм и проблем с противоположным полом. Если партнерша не была в этом заинтересована, он отступал. Если давала зеленый свет – получал желаемое. Даже в услугах особ легкого поведения при таком раскладе не возникало необходимости.

Только с этой певицей все было по-другому. Она играла с ним, манила, как далекий, заколдованный огонек в океане, заставляя преодолевать препятствия в виде километровых смертоносных волн. А приблизившись – отдалялась. Как сейчас. Когда он вкусил сладость запретного плода и только позволил себе представить какими неслыханными удовольствиями обладает этот сад, прежде скрытый за семью печатями.

Ее обидели, Франц был уверен в этом. Нойманн великолепно научил его читать людей, даже когда они всеми силами старались усложнить эту задачу. Поэтому мужчина не сомневался, что возможно, эта прекрасная девушка однажды была жертвой насилия. Тем более, если бежала из Польши.

Насилие.

Польша.

Черт.

- Я сейчас вызову охрану, если ты не уйдешь, - в голосе Леманн прозвучали прежние стальные нотки. Пока Франц бродил в лабиринтах своих невеселых мыслей, она успела полностью переодеться, и стояла отстраненная и собранная. Непривычно было видеть эту сияющую сирену в скромной одежде и неприметной шляпке с вуалью, без яркого макияжа и звонкого серебра. Такой человеческой и простой, как соседка по лестничной клетке в его многоквартирном доме. Но даже это обстоятельство не сделало ее менее привлекательной и желанной.

Мужчина нехотя поднялся на ноги, удивляясь тому, что незаметно для себя успел протрезветь.

Одно его воспоминание было подобно ледяному душу и теперь ему никак не удавалось затолкать его обратно в самый дальний черный ящик в своей голове. Оно горчило на языке, заставляя забыть даже сладкий вкус удовольствия Леманн.

- Не приходи больше, - попросила девушка уже в дверях и Франц не нашел в себе сил, чтобы что-то ей возразить. Что-то искреннее. Или хотя бы что-то колкое.

Воздаяние. Вот что такое, черт возьми, воздаяние. За то, что он сделал и о чем так старался забыть. Оно аукнулось ему спустя много лет, когда он подумал, что сполна испил чашу ненависти и отвращения к себе.

Первая и единственная женщина, которую он возжелал не только телом и разумом, но и душой, отвергла его со всеми его благими намерениями. Словно позорные слова были незаметно для всех людей высечены у Франца на лбу, и только Леманн легко считала их с самой первой встречи.

Потому что сама побывала в роли жертвы. И сразу распознала насильника.

Глава седьмая.

Силдж не помнила доводилось ли ей прежде бывать в Осло и от того особенно сильно хотела познакомиться с этим городом. Но Франц сразу отчетливо дал понять, что никаких туристических прогулок по достопримечательностям в их планах нет и подавно. «Здесь нечего смотреть» - буркнул он, стоило его спутнице завести об этом речь.

Силдж проспала всю дорогу и теперь чувствовала себя бодрой и посвежевшей, чего нельзя было сказать о ее похитителе. Все это время Франц провел за рулем и теперь выглядел, мягко сказать, неважно, с трудом удерживая покрасневшие глаза открытыми. Он притормозил на обочине после въезда в город и полез в интернет в поисках гостиницы, но Силдж с мстительным удовольствием заняла, что ей нужен магазин. И банкомат, по-хорошему. Потому что, будучи в суматохе вытащенной из дома, она не прихватила даже самые элементарные вещи или сменную одежду. Сонный и уставший после долгих часов за рулем мужчина оказался плохим оппонентом в споре и быстро сдался. Они отправились в ближайший торговый центр.

Силдж быстро отыскала все необходимые предметы личной гигиены вроде зубной щетки и шампуня и впала в недолгий ступор, столкнувшись с весьма деликатной проблемой. Вроде как она была пожилой женщиной, давно преодолевшей рубеж климакса, но недавние события внесли свои коррективы в это обстоятельство. Сколько ей теперь лет? Отражение в стеклянной витрине магазина едва ли было старше двадцати пяти. Поэтому решив избежать сомнительных ситуаций, Силдж все-таки закинула в корзинку с покупками упаковку тампонов, бесконечно смущаясь от того, что ей приходится покупать такие деликатные вещи в обществе своего похитителя. Впрочем, Франц мало интересовался ее приобретениями – он следовал за женщиной темной, мрачной и чудовищно сонной тенью, едва успевая подносить руку ко рту в очередном приступе зевоты.

«Терпи, сволочь» - злобно думала Силдж, поражаясь своей недоброжелательности, прежде не присущей ее тихому характеру. И тащила мужчину дальше по магазинам, даже не допуская мысли о том, что сейчас легко могла от него ускользнуть и затеряться в толпе людей.

Она как раз выбирала сменный, самый дешевый и простой, комплект белья, когда из-за рядов с одеждой выпорхнула продавец-консультант и решила обрадовать женщину своим навязчивым вниманием. Миловидная блондинка держала в руках вешалку с каким-то кричаще-кружевным и вычурным бюстгальтером и почти прозрачными трусиками.

- Мисс, у вас такой импозантный молодой человек, - прошептала продавщица, - не хотите попробовать что-то более откровенное?

Силдж перевела взгляд на сидящего между рядами на кушетке для примерки обуви Франц и скривилась. Ее похититель находился где-то между сном и реальностью и, к счастью, этого неловкого разговора не слышал. Иначе обязательно отпустил бы какой-нибудь неуместный комментарий, в чем Силдж не сомневалась.

Импозантный? Подходящее ли это слово для жуткого мужика, который сутками ранее вломился в твой дом и силой затолкал тебя в машину? Хотя нужно было отдать должное тому, что природа на нем не отдыхала. В других обстоятельствах, возможно, Силдж бы присмотрелась к Францу повнимательнее и даже позволила себе отметить, что он действительно по-своему красив. Особенно без рубашки и с влажными волосами, как тогда, в номере.

Черт.

- Эм, нет, спасибо, - буркнула она, - и это не мой молодой человек. Просто... знакомый, - язык не повернулся назвать этого человека даже другом. Потому что другом он ей точно не был. Но посвящать случайную девицу в обстоятельства их знакомства и странного совместного путешествия явно не стоило, чтобы не оказаться в полиции или сумасшедшем доме.

Продавщица фыркнула и потеряла к Силдж всяческий интерес, чему женщина была несказанно рада. Она могла спокойно взять все необходимое без новых неловких ситуаций.

Пока женщина завершала свои покупки и пробивала на кассе небольшую горку невзрачных, простых и функциональных вещей, она успела потерять Франца из виду. В том месте, где она его видела в последний раз, мужчины не оказалось. Силдж сдержанно выругалась себе под нос и еще пару раз прошла по магазину.

Она не знала какой логикой руководствовалась, когда полезла искать пропавшего похитителя в примерочных кабинках, но в результате сама навлекла на себя беду. Ей представилась замечательная возможность оценить по достоинству не только верхнюю часть тела мужчины, но и нижнюю. А в частности поджарую бледную задницу, обвитую ногами той самой продавщицы, которая нашла посетителя импозантным.

Черт.

Силдж вылетела из магазина, чуть не растеряв по дороге все пакеты со своими покупками и теперь стояла посреди снующей по торговому центру толпы, стараясь выбросить из памяти увиденную картину, которая, как назло, словно отпечаталась на веках. Она была уверена, что поднимет крик, как только снова увидит Франца, но стоило ему вернуться, все слова застряли у нее в горле. Весь путь до машины они проделали в хмуром молчании.

И только в салоне, когда мужчина вставил в рот сигарету и собрался закурить, Силдж не выдержала.

- Какого черта это было? – прошипела она.

- Ревнуешь?

- Нет! – взвизгнула женщина в ответ на хитрый взгляд своего собеседника и легкую улыбку, - нельзя заниматься такими вещами в публичном месте!

- Вряд ли ее бы отпустили с работы, - хмыкнул Франц, откровенно забавляясь возмущением Силдж.

- Ты животное! – она и сама не заметила, как употребила другое местоимение, настолько увлеклась своим праведным гневом. Хотя в действительности, она просто старательно избегала рефлексии по поводу собственной бурной реакции. Потому что едва ли смогла бы придумать вразумительный ответ на вопрос – какое ей вообще дело? Ну, перепихнулся он с какой-то девицей прямо в примерочной, и что? Может хотя бы перестанет распускать руки и позволять какие-то неоднозначные намеки в ее адрес.

Или ей этого хотелось?

Силдж осторожно покосилась в сторону мужчины и отметила, что он уже не выглядит таким измученным и сонным, хотя белки глаз у него по-прежнему были красными. Вероятно, маленькое пикантное приключение в магазине придало ему сил. А еще теперь у него были так художественно растрепаны волосы, что невольно хотелось запустить пальцы в этот беспорядок.

Силдж тряхнула головой, прогоняя наваждение. Совсем с ума сошла на старости лет.

Паром отбывал вечером, и до этого времени им еще нужно было повернуть довольно сложную операцию: бросить машину на парковке аэропорта и оттуда добраться на общественном транспорте до круизного порта. Эти шпионские игры были почти увлекательными, если бы не количество вещей, которыми они обзавелись перед этим и неуютная недосказанность, оставшаяся между ними.

Впрочем, оказавшись на борту красивого круизного лайнера, Силдж быстро забыла обо всех своих обидах и сомнениях. Он, конечно, был не таким большим, как те, которые следовали в Стокгольм и Хельсинки, но все равно впечатлил воображение женщины, проводившей последние десять лет жизни в сельской глуши. Это был целый плавающий город, с магазинами, ресторанами и концертным залом, прогулочными палубами и широкими лестницами. Силдж сразу решила, что не будет отсиживаться в каюте и все время до прибытия в Фредериксхавн

проведет максимально насыщенно. А Франц пусть занимается чем хочет, пусть перетрахаёт тут хоть весь персонал и пассажирок. Или пассажиров. Кто его разберет.

Каюта вызвала у женщины не меньший восторг – удивительно просторная и комфортная, в теплых приятных цветах, с круглым панорамным окном за которым уютно мерцали огоньки порта. Силдж даже не стала возмущаться тем, что им снова придется делить на двоих одно помещение и один санузел. Она первая прошмыгнула в маленький закуток с сантехникой и заперлась там, радуясь возможности наконец-то принять душ и смыть с себя переживания последних суток. После водных процедур настроение женщины окончательно наладилось, и она решила, что даже в тех странных приключениях, что свалились на ее голову, есть какая-то прелесть.

Она даже почти перестала злиться на Франца. Только сам он выглядел куда менее беззаботным. Когда Силдж вышла из ванной, она обнаружила мужчину развалившимся на одной из коек, напряженно что-то вычитывающим в своем наворочанном смартфоне.

- А куда мы отправимся после Фредериксхавна? – миролюбиво поинтересовалась женщина, устраиваясь на соседней кровати. Она пыталась высушить полотенцем свои длинные волосы.

- В Гамбург, - без особого энтузиазма откликнулся Франц. Силдж этот ответ не сильно устроил, потому что ей стало крайне любопытно, чем он там так увлечен. Выкладывает на фейсбуке инструкцию к похищению одиноких женщин? Присматривает новую жертву?

- А потом?

- Какая разница? – он все-таки отложил телефон в сторону и принял сидячее положение, вперившись в Силдж пронизывающим взглядом темных глаз, - с чего вдруг такой интерес?

- Я... эм... - женщина растерялась и даже перестала тереть голову полотенцем, - думаю, что имею право знать.

- Нам нужно свалить из Европы как можно дальше, - Франц склонил голову на бок, продолжая буравить собеседницу взглядом, от которого ей становилось все более и более неудобно, - может быть в Африку или Азию. Пока не знаю.

- Почему не на самолете?

- Это легче отследить. Кое-кто, кто очень хочет нас найти, имеет доступ к базам данных и спискам пассажиров. Паром – это тоже рискованно. Но вряд ли тебе бы понравилось преодолевать пролив Скагеррак на моторной лодке или вплавь, - сказал мужчина и от хорошего настроения Силдж окончательно ничего не осталось. Ей стало страшно. И куда страшнее, чем в тот момент, когда этот таинственный незнакомец вломился в ее дом и спокойную, размеренную жизнь. Он ей хотя бы не угрожал оружием, как те двое... Которых прислал тот, о ком он говорил сейчас.

- Кто он? Почему он хочет нашей смерти? – тихо спросила Силдж.

- Это очень долгая история, - хмыкнул ее похититель, - она началась восемьдесят лет назад. Но я не вижу смысла рассказывать, потому что ты все равно мне не поверишь, - он криво улыбнулся, - я и сам не поверил бы.

- Хм. Понятно, - она задумчиво покусала губы, подбирая слова, - я могу задать еще пару вопросов?

- Задавай, - разрешил Франц.

- Кто... кто мы такие? – запинаясь, выдавила женщина, - я... притронулась к тому человеку и он умер... это... Поэтому за нами охотятся?

Похититель не спешил отвечать, продолжая скользить глазами по лицу Силдж, словно пытаясь в нем что-то найти, а она в свою очередь, пользуясь случаем, без смущения разглядывала его в ответ. И сейчас он выглядел куда моложе, чем когда они встретились.

- Мы энергетические вампиры, - наконец-то заговорил мужчина и прервал их зрительный контакт, отвернувшись к окну, за которым огоньки начали отдаляться, потому что паром

отчалил от берега, - как бы безумно это не звучало. Мы можем... впитывать чужую жизнь, продлевая свою, пополняя силы, возвращая молодость. Ты постарела, потому что долго не... питалась. Для того, чтобы «выпить» кого-то, достаточно дотронуться. Но убивать не обязательно, можно взять немного. Жертва даже не поймет ничего.

Силдж кивнула, старательно переваривая полученную информацию.

- А у нас есть еще какие-то... сверхспособности? – она сделала неопределенный жест рукой, не зная, что пытается показать, но Франц ее понял и покачал головой.

- Нет, в остальном мы обычные люди, - с легким вздохом сказал он, - нас спокойно можно убить, - он вроде как попытался пошутить, хотя вышло не очень весело, - если отрубить ногу, новая не вырастет.

- Как раз собиралась проверить, - нервно усмехнулась женщина и все-таки не сдержалась, - та женщина... в магазине... с которой ты... ты... ее того? Поэтому почувствовал себя лучше?

Ей совершенно не хотелось возвращаться к этому моменту даже мысленно, но невозможно было выкинуть эту сцену из головы, да и искушение удовлетворить свое любопытство было слишком велико.

- Прочитаешь мне лекцию о моем аморальном поведении?

Вероятно, в какой-то момент нервная система Силдж исчерпала все свои ресурсы и женщина вдруг почувствовала удивительные спокойствие и умиротворение. Ее похитили, ее пытались убить, она помолодела на добрых тридцать лет и узнала о себе много нового – и все это за неполных двое суток. В результате, она вроде как сумела примириться со всеми этими безумными новыми обстоятельствами своей жизни и найти силы для принятия. Жизнерадостная атмосфера, царившая на пароме, окончательно помогла женщине обрести шаткое ощущение баланса с миром. Атмосфера, и, конечно же, божественная еда.

Как Силдж успела понять – принятие пищи на круизных лайнерах было главным и самым ожидаемым развлечением. Потому что включенная в стоимость билета трапеза в ресторане могла удовлетворить потребности любого самого капризного вкуса. Шведский стол пестрел различными ароматными блюдами. Женщина хотела попробовать все, но довольно быстро поняла, что поставила себе неосуществимую задачу. Но платье она надела не зря, потому что иначе пришлось бы расстегивать верхние пуговицы на джинсах.

Это единственное, простое, почти скучное, черное платье она прихватила уже по пути к кассе, поддавшись минутному порыву, о чем теперь ничуть не жалела. Пассажиры к ужину выходили куда более нарядными и в своих старушачьих свитерах и брюках она бы смотрелась среди них как нищенка, пришедшая на благотворительную кормежку. Всеобщая атмосфера праздника была настолько заразителна, что Силдж даже решилась не заплетать в косу волосы.

Ей... вдруг захотелось быть красивой. И свое отражение, которое она увидела в дверце шкафа, прежде чем выйти из каюты, оставило женщину почти удовлетворенной, хотя ей до сих пор не верилось, что оно принадлежит ей. Эта юная девушка с длинными каштановыми волосами была очень даже привлекательна. А черный цвет платья выгодно подчеркивал марморную белизну ее гладкой, нежной кожи.

Конечно, это не укрылось и от внимания Франца. Весь ужин он поглядывал в сторону своей спутницы, и это скорее льстило Силдж, чем пугало ее. Он был куда меньше увлечен едой и куда больше алкоголем, которого в ресторане также было в достатке. Она тоже выпила несколько бокалов вина, и это помогло ей окончательно расслабиться и развязало язык.

- А в каком году ты родился? – спросила она, лениво гоняя по тарелке последний оставшийся там кусочек курицы, - и где?

- В тысяча девятисотом, в Риме, - сказал мужчина. Силдж кивнула, словно эта информация прояснила для нее что-то важное. В действительности, ничего для нее яснее от его краткой

биографической справки не стало, но вместо желания все отрицать и называть своего собеседника сумасшедшим, она теперь испытывала любопытство.

- Значит тебе сто двадцать два года, - женщина присвистнула и даже позволила себе пошутить, - ты хорошо сохранился.

- Это особая диета, - поддержал ее начинание Франц и улыбнулся, обнажая немного выступающие нижние клыки. И лучше бы он этого не делал, потому что Силдж невольно пришлось признать, что ему очень идет эта обезоруживающая улыбка.

Вероятно, наступил момент, когда у нее начали проявляться первые симптомы стокгольмского синдрома, потому что этот мужчина все больше начинал казаться ей красивым и обаятельным. И все меньше – пугающим и сумасшедшим.

Силдж осушила до дна свой стакан и тряхнула головой, прогоняя эти мысли.

- А много таких же как мы? – решила перевести она тему, - твои родители тоже были... вампирами, - она понизила голос, словно кто-то мог подслушивать их разговор.

- Я не знал своих родителей, - удивительно беззаботно пожал плечами ее похититель, - много, но все хорошо прячутся. Возможно, - он окинул взглядом помещение ресторана, - даже здесь сейчас есть другие вампиры.

Силдж завертела головой, скользя взглядом по лицам окружающих людей, но быстро оставила эту затею, с сожалением осознав, что никто не кажется ей подозрительным.

- Почему тогда охотятся именно за нами?

- Мы кое-кому знатно перешли дорогу, - Франц скривился и тоже допил остатки алкоголя в своем бокале. Пока он ходил за новой порцией для себя и Силдж, она продолжала беззастенчиво пялиться на посетителей ресторана. Она уже поняла, что по внешним признакам определить энергетического вампира никак нельзя, но все не оставляла попыток.

Может быть, это та светловолосая девушка, которая так заливисто смеется за соседним столиком? Или грузный мужчина, наваливший себе на тарелку новую порцию креветок? Или маленький мальчик, обляпавшийся соусом?

Силдж испытывала даже что-то вроде разочарования, примирившись с новостями о своей сущности. Она много смотрела фильмов и читала книг, где ей часто встречались истории о вампирах со всеми сопутствовавшими их существованию атрибутами. Загадочный лунный свет, клыки, превращение в летучих мышей, торжественные балы в средневековых замках – все это очаровывало и притягивало внимание. Реальность оказалась куда более простой и скучной. Зачем тогда вообще нужны эти энергетические вампиры, если у них даже нет никаких неординарных способностей? Силдж не отказалась бы от умения летать или, скажем там, читать мысли. А еще быть неуязвимой, а не вынужденной спасаться бегством от каких-то ребят с огнестрельным оружием.

Франц вернулся с новой порцией алкоголя.

- А мои родители тоже были вампирами? – набросилась на него женщина с новой порцией вопросов и внезапно, неожиданно для себя, ступила на опасную территорию.

Мужчина от ее вопроса вздрогнул и сделался даже бледнее, чем обычно. Он нервно опрокинул в себя сразу половину принесенного стакана с виски.

- Нет, - очень тихо ответил он, - не были. И...

Силдж отчетливо ощутила перемену в его настроении, и ей самой стало не по себе.

- Ты не всегда была вампиром, - все-таки закончил Франц свою мысль и отвел глаза.

Повисла неловкая, очень тяжелая пауза. Вокруг смеялись и разговаривали люди, играла легкая, ненавязчивая музыка, в воздухе витали приятные ароматы пищи и духов, кипела жизнь. И только их столик вдруг словно оказался среди северного полюса. Силдж зябко обняла себя за плечи и прикусила губы. Она уже жалела о том, что заговорила об этом, но и останавливаться уже было поздно. Оставалось только терпеливо ждать слов, которые она, вероятно, слышать совсем не хотела, но обязана была услышать.

- Я сделал тебя такой, - так тихо, что Силдж едва разобрала слова за гомоном вокруг, сказал мужчина, - это вышло случайно.

«Скоро все закончится».

«Потерпи».

«Так будет лучше».

Женщина зажала уши и зажмурилась, словно могла спрятаться от правды внутри своей головы. Но эти голоса, которые она слышала в том лесу снова навязчиво пульсировали болью в висках. Один из них, возможно, принадлежал мужчине, сидевшему напротив. Или... все? Это был только его голос. Но она не помнила. Не хотела помнить.

- Я вообще не знал, что это можно кому-то передать, - теперь он звучал уже не в ее памяти, а в реальности, в жалкой попытке оправдаться.

Силдж с трудом заставила себя поднять веки и встретила взглядом с Францем. Ей совершенно не понравилось то, что она увидела в его кофейных глазах – бесконечный омут вины и старой боли. Боли, которая не станет менее острой ни через год, ни через тридцать или восемьдесят лет. О которой невозможно забыть.

Но ведь она забыла?

Не хотела помнить. Не хотела возвращаться туда. Не хотела знать, что произошло между ними много лет назад. Но это все равно проступало черными кляксами даже через бледный саван амнезии.

Нет, это все бред.

Силдж резко вскочила с места и бросилась к выходу на палубу. Ей необходим был свежий воздух, чтобы хоть немного проветрить голову и утихомирить бешено стучащее сердце.

Снаружи было прохладно и темно. Свет из стеклянных дверей и панорамных окон ресторана лежал на напольном покрытии рваными полосами. Залив серебрился в лунном свете.

Женщина вцепилась в перила изо всех сил, возвращая себе ощущение реальности окружающего мира через контакт с холодным металлом.

Что она здесь делает? Почему она не в Хёйбу? Как вышло, что она плывет куда-то сквозь ночь с человеком, которого знает не больше пары дней и воспринимает всерьез все его безумные речи? Может быть она сошла с ума? Может быть у нее жар? Силдж пощупала свой лоб, но он был холодным. Как волны за бортом.

Она не слышала, как хлопнула дверь, выпуская на палубу еще одного человека и даже не придавала этому значения. Мало ли кто-то вышел покурить или полюбоваться ночным морем и волнами, которые рождались, когда плавное тело паромы разрезало толщу воды. Но это был не кто-то, а Франц.

Он наклонился и поцеловал девушку в плечо, прежде чем накинуть на нее свой пиджак. По-хорошему нужно было отказаться от этой заботы. По-хорошему нужно было прогнать его. Но Силдж не решилась.

- Почему я тебя не убила за это? – спросила она вместо того.

Он невесело усмехнулся, становясь рядом с ней.

- Ты пыталась, - ответил он задумчиво, - может еще доведешь дело до конца.

Силдж хмыкнула и повернулась к мужчине. Лунный свет придавал его чертам особенное, мрачное, мистическое очарование, а кожу делал мраморно-белой. Его глаза потемнели, словно впитали в себя саму ночь.

Как он красив, черт возьми.

Проклятый стокгольмский синдром.

Силдж приподнялась на носочках, чтобы дотянуться до его лица и поцеловать. Франц с готовностью, словно только этого и ждал, обвинил ее талию руками и притянул ближе к себе. Этот поцелуй, которого не должно было быть, длился совсем недолго. Мужчина первым отстранился, внимательно вглядываясь в лицо женщины перед собой.

- Только сначала я спрячу тебя в безопасном месте, - сказал он.

Глава восьмая.

Франц не соврал, когда сказал Лангу, что даст показания, подтверждающие алиби Фройляйн Леманн в ночь убийства. Он как следует подготовился, продумав свою версию до мелочей и, вооружившись всей необходимой информацией, самолично явился в полицейское управление. Как на зло, после всей этой унижительной и долгой процедуры, он столкнулся именно с Гербертом. Нойманн, казалось бы, был прекрасно осведомлен о целях визита своего воспитанника, но вместо взбучки, неожиданно одобрил его действия.

- Хорошо, - шепнул он мужчине на ухо, - она не должна попасть в их лапы, - и, сказав это, с невозмутимым видом отправился в отдел судебно-медицинской экспертизы, где был частым и уважаемым гостем.

Не попадет в их, так попадет в твои, - мрачно ответил ему Франц, радуясь, что наставник всего лишь крайне проницательный человек, а не телепат.

Потому что впервые за тридцать семь лет совместной жизни между учителем и учеником появилась по-настоящему весомая причина для раздора.

Женщина.

Франц когда-то мог сколько угодно бесноваться и демонстрировать характер, затеывая ссоры и конфликты из-за своего юношеского максимализма, нежелания заканчивать навязанное ему образование, прихотей вроде военной службы или безумных экспедиций, но все это было мелочами жизни по сравнению с тем, что происходило сейчас.

Эта женщина – ключ к тому шифру, который они с Гербертом пытались разгадать последние десятилетия. Кульминация всех опытов, исканий и экспериментов. Она – возможное лекарство для старого немца, ведь с годами его здоровье не становилось лучше. Он умело держал лицо на людях, но в верхнем ящике его рабочего стола всегда лежал кожаный кофр с ампулами и шприцами. Потому что боль могла вернуться в любой момент, ломая сильное пока еще тело старика, как сухую ветку дерева и он пытался быть к этому готовым. Если к такому вообще можно подготовиться.

Эгоистично возжелав спрятать Леманн подальше от наставника только для себя, Франц предавал не только того, кто воспитал его как сына. Он предавал саму идею, саму их мечту однажды использовать его необычную природу во благо человечества.

Но какой ценой... Стоило ли всеобщее благо жизни одной удивительной девушки?

Франц с удовольствием предложил бы Нойманну продолжить свои эксперименты на нем, но достаточно времени провел в обществе этого образованного человека, чтобы понимать, что для изучения целого вида одной особи не достаточно. Они уже пытались это проверить и забрели в тупик в своих исканиях.

Поэтому он долго стоял на ступеньках полицейского управления и остекленелым взглядом блуждал по нагромождению хмурых облаков над крышами средневековых зданий.

Из ступора мужчину вывело появление красивой, статной женщины, которая вела за руку рыжеволосого мальчишку лет десяти. Он не обратил бы внимания на эту пару, если бы из деревянных дверей здания навстречу им не вышел Вильгельм Ланге собственной персоной. Мужчина, конечно же, заметил присутствие Франца и нахмурился. В его холодных голубых глазах плескалось целое море презрения и недоверия, пока он дежурно целовал жену и трепал по волосам сына, обмениваясь с ними какими-то простыми, бытовыми фразами.

- Гер Нойманн, - выдавил он сквозь зубы и сделал приветственный жест рукой, словно они не разговаривали перед этим битый час во время процедуры дачи показаний.

Франц был совершенно уверен в том, что рыжий ищейка не поверил ни одному его слову, хотя и не имел возможности уличить его во лжи. Глупо было надеяться, что он отцепится от Леманн и перестанет досажать ей своим вниманием.

Ланге на самом деле вполне заслуживал уважения, хотя бы потому, что обладал редким для своей профессии чутьем.

Но певицу он все равно не получит. Как и Нойманн.

Освободившись от необходимости проводить каждый вечер в кабаре «Зеленый фонарь», Франц рассматривал две вероятности возможного времяпровождения: навестить Герберта и выпить в одиночестве. Поскольку смотреть в глаза своему наставнику он сейчас не решился бы, да и как-то не сильно горел желанием путаться в паутине лжи, мужчина остановился на втором варианте.

Нужно было тщательно обдумать, каким образом уговорить упрямую певицу уехать из Берлина, если она стоически игнорировала все разумные и неразумные доводы. Франц уже почти готов был всерьез рассмотреть возможность вывезти ее из города силой, если бы у них на хвосте не болтался внимательный и крайне подозрительный детектив Ланге. Едва ли этот рыжий прохвост не заинтересуется похищением девушки, за которой наблюдал такое продолжительное время.

Франц злился и пил. И наворачивал круги по своей довольно просторной и комфортабельной квартире, которую получил когда-то за заслуги на военной службе. Просторной и пустой, потому что у него не было ни желания, ни мотивации здесь обжиться и наполнять ее предметами, не являющимися первой необходимостью. Нойманн воспитал в нем склонность к аскетизму, потому что единственной ценностью, по мнению пожилого немца, достойной внимания, были книги. Он и сам прожил почти всю жизнь как какой-то монах, обложенный толстыми, пыльными фолиантами.

Франц знал, что его настоящие родители были довольно богаты, потому что из обрывочных, почти истлевших воспоминаний об их жизни, он почерпнул вычурную роскошь интерьеров и обилие картин, скульптуры и других произведений искусства. У них были слуги, эти лица почему-то отпечатались в его сознании куда ярче, чем образы отца и матери. Но даже наличие прислуги не помогло им уследить за единственным ребенком. Поэтому он не хотел быть на них похожим и во всем подражал Нойманну, являвшему собой полную противоположность того утерянному, буржуазного мира.

Пусть дом будет пустым. Пусть книги, единственное, что имеет хоть какую-то цену и функциональный смысл, валяются на полу, на подоконниках, на диване, в полном беспорядке, но не стоят ровными рядами в красивой семейной библиотеке. Пусть немногочисленная посуда покрылась трещинами и пылью. Пусть в полупустом шкафу на вешалке висит только военная форма.

Форма, которую после произошедшего несколько лет назад, ему хотелось выбросить, сжечь или разрезать на куски. Обесцененная, несущая в себе клеймо позора, а не гордости.

Он пришел в армию наивным мальчишкой, полевым медиком, который хотел помогать людям. Ему приходилось ампутировать безнадежно израненные конечности, сообщать пациентам безрадостные новости о необратимости их травм и грядущей инвалидности, проводить последние часы вместе с солдатами, потравленными газом и задыхающимися в кровавом кашле. И он делал все это, уверенный, что служит благой цели. Служит своей стране и ее гражданам.

Он не подписывался становиться палачом и насильником.

В очередной раз за последние три года, шаткой походкой уже изрядного подвыпившего человека, Франц добрал до спальни и распахнул шкаф, размышляя над тем, чтобы уничтожить то, что лишний раз заставляло его вспоминать о том, о чем помнить ему совершенно не хотелось.

А ведь Нойманн был прав. Он еще тогда сказал, что его воспитаннику не стоит отправляться на фронт и повторил это, стоило начаться новой войне. Нужно было слушаться мудрого старика, а не играть в геройство.

Грань между совершением подвига и совершением преступления оказалась слишком хрупкой. В этом проклятом мире, где все истины вывернулись наизнанку, их нелицеприятное нутро мозолило глаза.

Франц так и не решился что-то сделать с проклятой формой, уселся на пол в спальне и сделал глоток прямо из горла бутылки, которую держал в руках. Он прекрасно понимал, что уничтожение этого ненавистного напоминания ничего не изменит. Ему все равно будут сниться кошмары, хотя, к счастью, это стало происходить довольно редко.

Встреча с Леманн содрала корку с только немного затянувшейся раны, и теперь он был уверен, что скоро снова увидит сон из серии тех, после которых прежде частенько просыпался в холодном поту.

Память милосердно стерла черты той девчонки, и в каждом новом кошмаре у нее было другое лицо. Другой цвет волос и платья. Другой рост и форма ногтей. Другой голос. Но слова, которые произносил этот охрипший от слез голос оставались неизменными от разу к разу.

«Пожалуйста»

«Пожалуйста»

«Пожалуйста, не надо»

Франц зарычал и швырнул опустевшую бутылку о стену, даже не попытавшись увернуться от сияющего града осколков. На безликих обоях в растительный орнамент осталась вмятина в месте удара. Он запустил руки в волосы, стряхивая с них стеклянную крошку.

- Я же, блядь, хотел как лучше, - пробормотал он, не зная, к кому обращается. Возможно, к безмолвному призраку, стоящему перед глазами, как живой.

Нельзя винить себя за убийство из милосердия. Он бы сошел с ума, если бы думал обо всех тех людях, которым подарил медикаментозную смерть во время войны, избавляя от страданий и куда более долгой, мучительной кончины. Они сами просили об этом. Крошечная инъекция была желанным освобождением.

Но сколько он не повторял себе это, пытаясь убедить, что в тот раз тоже поступил по совести, поверить в это не удавалось.

«Пожалуйста»

Тихая трель дверного звонка оторвала мужчину от очередного адского круга болезненной рефлексии. Он никого не ждал, но с радостью уцепился за эту возможность вырваться из лабиринта собственных мыслей и сожалений. Таких приступов с ним не случалось достаточно давно и он утратил способность справляться с ними самостоятельно, а Герберт... у Герберта были проблемы с эмпатией. Он мог внимательно выслушать, но не принять хотя бы часть эмоционального груза своего воспитанника.

Когда Франц увидел на пороге своей квартиры фройляйн Леманн, он сначала подумал, что допился до галлюцинаций и протер глаза. Но это не дало никакого результата, девушка была вполне реальной, и исчезать не спешила.

- Можно? – спросила она вместо приветствия, и мужчина отодвинулся в сторону, пропуская ее в прихожую.

Судя по яркому макияжу и аромату табака, шлейфом тянувшегося за гостьей, сюда она заявила прямоиком после выступления в «Зеленом фонаре». Она по хозяйски прошлась по квартире до кухни, с любопытством оглядываясь по сторонам.

- Откуда ты знаешь мой адрес? – осторожно спросил Франц, решив, что эта тема для разговора максимально нейтральная.

- Вы недооцениваете женщин, гер Нойманн, - Леманн хитро улыбнулась и специально проигнорировала его попытку вернуться к более неформальному общению между ними, как в примерной, - если нам что-то нужно, мы этого добиваемся.

- И что же вам нужно, Фройляйн? – поддержал ее игру Франц.

Девушка взяла со стола непочатую бутылку шнапса, неторопливо откупорила крышку и огляделась в поисках чего-нибудь хоть отдаленно напоминающего бокалы. Увы, ничего подходящего для торжественного распития напитков в хозяйстве мужчины не имелось и ей пришлось остановить свой выбор на простом, стеклянном стакане, пылившемся на подоконнике рядом со стопкой книг.

- Я сочла себя обязанной поблагодарить вас за заботу, - наконец-то решилась заговорить гостя, - мне известно, что вы дали показания, чтобы обеспечить меня алиби. Не стоило. Но... спасибо.

Она пригубила напиток из стакана с таким изяществом, словно присутствовала на приеме в королевском дворце. Франц отметил эту черту – ее хорошее воспитание – и невольно подумал о том, что многие еврейские семьи давали своим детям великолепное образование. Он по-прежнему пытался по крупицам собрать ее биографию, скрытую, спрятанную в мельчайших деталях.

- И это все? – нетерпеливо спросил мужчина. Ему хотелось глотнуть шнапса из горла, но как-то не хотелось в присутствии этой девушки, поэтому он искал хотя бы чашку.

В ответ на его вопрос Леманн только загадочно улыбнулась. Ее намерения по-прежнему оставались неизвестными, но, по крайней мере, она не спешила уходить. Странная девушка. Прогоняла его и просила больше не приходить, а после этого появилась сама.

- Вы всегда так много пьете? – полюбопытствовала она.

- Осуждаете?

- О нет! – певица миролюбиво подняла в воздух узкие ладони, - ни в коем случае. Мы живем в... такое время, что сложно устоять, - ее взгляд был крайне многозначительным и Франц все гадал что за эмоции сейчас в него вложены. Под тонким слоем насмешливости плескалось целое море колкой тоски.

- А как же величие Рейха? – поддел он девушку. Леманн скривилась.

- К черту Рейх, - произнесла она одними губами и, склонив голову на бок, осведомилась, - сдадите меня гестапо за такие слова?

Она прошупывала почву и, вероятно, была убеждена, что Франц достаточно пьян, чтобы поддаться на ее провокации. Вместо обиды он испытал восторг от того, как изощренна и изящна она была в своих методах. Если он в первую встречу, чуть ли не силой пытался выбить из нее информацию, то она разыграла тонкую, хитрую партию, аккуратно подбираясь к интересующим ее вещам.

Теперь мужчина был почти стопроцентно уверен в том, что она шпионка. Она не просто бездумно убивает нацистских офицеров, а действует по продуманному плану.

И он помог ей, отмазав перед Ланге. Возможно, и сюда она появилась, чтобы сделать свое алиби более надежным и получить живых свидетелей того, что между ними была связь.

Но это не имело значения.

Ничего больше не имело значения.

- Я не стал бы вас оправдывать, если бы хотел посадить, - резонно заметил Франц, и Леманн кивнула, удовлетворенная этим ответом. Судя по ее лицу, она мысленно сделала себе пометку, что он не настолько пьян, как кажется, и пока неплохо соображает. Поэтому она подтолкнула к мужчине бутылку, предлагая выпить еще.

- Зачем вы следите за мной? – прямо спросила девушка, сверля собеседника своими невозможными зелеными глазами. Словно пыталась загипнотизировать.

Франц тяжело вздохнул, потому что ему надоело играть в эти игры и увильживать, но и сказать правду до конца он не имел права, чтобы не подвергать риску Герберта.

- Вас подозревают в убийстве, - сказал он и поправил себя, - убийствах.

Леманн заливисто рассмеялась.

- Я хрупкая женщина, - напомнила она.

- Женщины добиваются того, чего хотят, так вы сказали? – напомнил Франц и хитро прищурился.

В уголках губ девушки притаилась легкая, почти незаметная улыбка. Она стянула с головы шляпку и тряхнула волосами, возвращая прическе прежнюю форму идеальных волн, примявшуюся из-за головного убора.

- Вы не из полиции, - констатировала она, - на кого вы работаете на самом деле?

- А вы?

Леманн хмыкнула и поджала губы. Вероятно, ей и самой порядочно надоело их противостояние, и она поняла, что не сможет получить желаемого. Если, конечно, ответы на интересующие ее вопросы были единственным, ради чего она потратила кучу сил, чтобы добыть его адрес и явилась сюда после выступления. По напряженной складке между бровей девушки было понятно, что она пытается придумать новую тактику для своего наступления. Но Франц решил ее опередить.

- Все это не имеет значения, - вкрадчиво заговорил он, - вам угрожает опасность. Уезжайте из Берлина.

- Нет.

- Черт возьми, - не выдержал мужчина и запустил руки в волосы, с трудом сдерживаясь, чтобы не вырвать себе несколько прядей от раздражения, - как можно быть такой...

- Какой? – ухмыльнулась девушка.

Вместо ответа Франц схватил ее за руку и дернул на себя, сгребая в объятия. Леманн испытующе уставилась ему в лицо, дожидаясь дальнейших действий, и нервно облизнула губы. Он не торопился, наслаждаясь возможностью вблизи рассмотреть аккуратные, симметричные черты девушки. Ее кожа была белоснежной, но около носа виднелись едва заметные следы веснушек, которые, вероятно, проявляются отчетливее, когда она проводит больше времени на солнце. Если она вообще выходит на улицу днем, а не ведет исключительно ночной образ жизни.

- Это все очень плохая идея, - заметила девушка почему-то шепотом, словно кто-то мог их подслушивать.

Франц тяжело вздохнул и послушно отпустил ее, смутившись своего порыва.

Очень плохая идея.

Леманн отошла к окну и выглянула на улицу, слегка отодвинув в сторону запыленные шторы, висевшие тут еще с момента приобретения квартиры. Свет фонарей с улицы красиво лег на ее лицо, окутывая его флером загадочности и легкой меланхолии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.